
Николай ХЛЕСТОВ

ТРИ

Сценарий

Ироническая комедия на фоне исторических событий

Какое мировоззрение? Это просто монпансье.

А. П. Чехов

— Много ли насильственных смертей? Кажется, ко-го-то задавили. А может, и не задавили вовсе? Большой город. В нем много всего происходит. А бывает, что и вовсе ничего не происходит. — Как так? — Да, просто: никто не гибнет. — Что же это за город такой в таком случае? — Да пес его знает. Кажется, Москва. — Москва? — Ну, да. Ва — это река по-угорски. Протва, Москва. — Ну и что? — Да ничего. Москва, и все тут.

Из разговора на улице Москвы

День первый, он же девятнадцатый месяца августа одна тысяча девятьсот девяносто первого года от Рождества Христова

Здание Государственного комитета гуманитарного сотрудничества и правам человека при Совете Министров СССР (ГКПЧ) располагалось в двух шагах от Кремля, рядом со станцией метро «Арбатская». Это могучее каменное сооружение — одно из немногих зданий, переживших нашествие Наполеона и пожары той поры, равно как и многие другие напасти последовавших лихолетий.

Время — около девяти часов утра в понедельник, 19 августа 1991 года. Во двор здания стремительно въезжают машины сотрудников ГКПЧ, которые торопятся запарковать их, дабы не опоздать на работу. Спешат на работу и безлошадные труженики ко-

Николай Олегович Хлестов родился в 1952 году в Москве. Дипломат, прозаик. Окончил МГИМО. Работал в нашем посольстве в Эфиопии, в различных департаментах МИД СССР и затем России. Занимался многосторонней дипломатией, участвовал во многих международных совещаниях по линии ООН. С 1998-го по 2016 год работал международным чиновником во Всемирной организации интеллектуальной собственности в Женеве. Автор книг прозы, вышедших в России и ФРГ, член Союза писателей XXI века. Дипломант премии «Писатель XXI века» в номинации «Проза» за 2017 и 2019 годы. Живет в Москве.

митета. Они торопятся по величественной лестнице, проем которой на уровне второго этажа венчает огромное зеркало. Старинное зеркало дореволюционных времен в черной раме с удивлением отражает несущийся табун сотрудников. Оно помнит иные времена и совсем иные отражения.

Сергей Иванович Мартынюк, 37 лет, уже знающий себе цену, но еще подающий надежды сотрудник комитета. Он собирался вылезти из своих «Жигулей», но его остановили радионовости. Он так и застыл. Диктор бесстрастным голосом объявлял о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) и о введении этого странного положения в стране. Прослушав заявление, Сергей Иванович обалдело устремился в здание, впервые не беспокоясь, что он опаздывает и может получить за это нагоняй. Он проследовал мимо милиционера. На входе машинально предъявил ему водительские права вместо пропуска. Обычно милиционер всегда придирчиво изучал пропуск, так, будто готовился к задержанию шпиона, хотя знал всех сотрудников не только в лицо, но и поименно. На этот раз он пропустил Мартынюка беспрепятственно. Вместо изучения пропуска постовой прав человека внимательно посмотрел в лицо Сергея Ивановича, как будто силился прочитать в нем какие-то ответы на заданные вопросы. Они оба машинально поздоровались и одновременно, в один голос спросили:

— Вы слышали только что новости?

Один Мартынюк ответил обоим:

— Еще как!

Они пристально взглянули друг на друга, затем Мартынюк пошел по лестнице в кабинет № 3 на второй этаж. Поднимаясь по лестнице, он не взглянул в зеркало, хотя смотреться в него стало традицией у всех сотрудников комитета. Считалось доброй приметой от сглаза и вообще от плохих вестей и неприятностей.

В кабинете № 3 коллеги начали уже работать — они пили чай. Поздоровавшись и услышав необычно вялый «привет», Мартынюк налил себе чаю и сел за свой стол. Сотрудники все еще переваривали сообщение, толком не начав его обсуждения. Сергей Иванович посетовал коллегам на несправедливость жизни.

Мартынюк:

— Вчера ехал от тестя и баллон пробил. Вот так, поедешь на дачу к тестю и теще. Пожертвуешь собой ради родственников, да еще в воскресенье. Можно сказать, выполняешь общественно-семейное поручение. И на тебе, получи прокол. Весь грязный, во всем этом. Домой едешь уже без настроения. Жена оперативно рассказывает, как надо водить машину. Один только сын радуется новому приключению. Но этого мало. На следующий день тебя поджидает еще какой-то ГКЧП. А ведь ничто не предвещало ничего необычного. Ничто. И тут на тебе: одно, второе и другое. Это уже перебор.

Внезапно распахнулась дверь, и влетела секретарша шефа Валерия Грузилина. Со всей силой своей нерастроченной женской энергии Валерия напомнила коллективу новость дня.

Лера:

— Слыхали про ГКЧП? Что докладывать Альберту Матвеевичу? Он скоро придет, и кому-то не поздоровится.

Мартынюк:

— Лера, родная. Уймись.

Лера:

— Родная? Ты как разговариваешь, а?

Мартынюк:

— Хорошо. Не родная, но и не чужая. Нам всем скоро не поздоровится...

Лера:

— Что ты несешь?

Мартынюк:

— Вдумайся, ГКЧП... а у нас название — ГКПЧ. Подозрительная похожесть. Не проявили политической бдительности. Альберт Матвеевич нас вызовет. Если захочет.

Лера:

— Я уже устала отвечать на звонки. Все путают наш комитет с этим новым ГКЧП.

Мартынюк:

— Это только начало. Держись, Лера. Мы с тобой.

Лера:

— А что же будет с планом на предстоящий год?

От возбуждения ее лицо еще больше похоросело.

Дмитрий Базыкин (еще моложе Мартынюка и тоже подающий надежды), оторвавшись от своих раздумий, решил внести свою лепту в дискуссию:

— Лера! Планы теперь будут чрезвычайными. Кстати, ты сегодня отлично выглядишь. Вот как революция облагораживает наших муз.

Лера:

— Я тебе не муза!

Базыкин:

— А жаль. Счастье было так близко, так возможно.

Валерия была озадачена. Она не любила неясности.

Лера:

— В конце концов, вы мужчины или нет?! Надо действовать!

Базыкин не желал действия:

— Лера. Не путай интим с политикой.

Лера:

— У вас одно на уме.

— У нас то же на уме, что и у вас, — живо откликнулся Базыкин. — Выждать — вот наш девиз.

Лера:

— А где ваша честь?

Базыкин:

— Честь бывает разной. Есть честь девичья, встречается женская честь, есть честь Родины, наконец. Но мы не девицы и не женщины, а Родина сейчас в задумчивом тумане.

Лера:

— Вы — пошляки и тюфяки. Лежачий камень, под который вода не течет. Я пошла.

Базыкин:

— На баррикады? Навстречу любви?

Лера:

— Игнорирую ваши пошлые намеки.

И непошлая Валерия удалилась в предбанник кабинета начальства.

Привычная обстановка в коллективе настроила Мартынюка на деловой лад.

Мартынюк:

— Коллеги, я не могу повлиять на чрезвычайное положение. Посему отправляюсь латать колесо, а вы прикройте меня, если что. Хорошо?

— Чини свое колесо, — поддержал его Георгий Заграничный, которого все, естественно, звали только по фамилии.

Мартынюк:

— Вот она, настоящая дружба. Как говорится, за граница нам поможет, — резюмировал Сергей Иванович, покидая коллег.

Он выехал из двора ГКПЧ, который как раз был напротив памятника Калинину, стоявшего недалеко от бывшего особняка Саввы Морозова — ныне здания Союза советских обществ дружбы (ССОД). Затем развернулся у Библиотеки имени В. И. Ленина и поехал от центра по проспекту Калинина в сторону Можайского шоссе. Недалеко от Рябиновой улицы, рядом с магазином «Молодежный», который славился очередями приезжих со всего Советского Союза за дефицитом, он тормознул. Здесь была хорошая шиномонтажная мастерская, где народу было значительно меньше, чем в других местах. К тому же рядом с домом. Но завернуть под стрелку светофора не удалось. Пришлось стоять и ждать, когда пройдет поток. Неординарный был поток! Не совсем автотранспортный, то есть транспортный, но состоящий из необычных машин. Это был военный порядок из боевых машин и танков. Шла и гремела всей своей мощью Кантемировская дивизия. Наши славные войска входили в нашу столицу нашей Родины.

Танки крошили асфальт. Пыль стояла столбом. Пыль смешивалась с танковым выхлопом и поднималась все выше и выше, как минимум до второго этажа. Эта необычная пыль и этот непривычный грохот создавали необычное ощущение. Какая-то неясная тревога стала наседать на Мартынюка. Внезапно Сергей Иванович вспомнил венгра и его впечатления от Западного Берлина. Пару лет тому назад он общался с ним по работе, а затем пригласил его на ужин в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). Благо СЭВ располагался на том же проспекте Калинина, только немного поближе к Москве-реке, чуть пониже глобуса Аэрофлота, но на противоположной стороне. На той же стороне, где был тогда уже помянутый памятник Калинину. Имя всесоюзного старосты подружилось с этой частью Москвы.

Ужин был дан за казенный счет, что придавало мероприятию особенный шик и размах в глазах Сергея Ивановича. Он и раньше ел-пил за казенный счет, но еще никогда до того не был хозяином пира. На этот раз он мог вполне упиваться роскошью своего исключительного права. Наслаждаться рестораном с отличной кухней, ненавязчивой музыкой, предупредительными официантами, низкими ценами, а главное — быть в ресторане, куда доступ остальным советским гражданам был ЗАКРЫТ. Но венгр, хотя был и симпатичным малым, снизил планку упоения вечером. Когда все уже было обговорено, все позиции по правам человека были обкатаны и вечеринка плавно перешла в тосты за дружбу и единение (не просто дежурные, а от души), этот забавный малый начал делиться своими впечатлениями о некоторых шероховатостях во взаимоотношения наших родных, социалистических стран. Мартынюк сразу же почувствовал близость опасности и, хотя уже принял боевую норму, внутренне мгновенно подсобрался. Бдительность выработалась у него еще во время заграникомандировок. К тому же речь пошла о самом передовом фронте — Западном Берлине. Это уже не шутки! Здесь сошлись империалисты, чтобы подорвать наш родной, социалистический строй. Здесь, как на войне: или мы, или они. Но вместо серьезных разговоров о борьбе с происками апологетов капиталистической системы этот идеалист-венгр начал излагать свои переживания о разделенности человечества в целом и немецкой нации в частности. Он согласился с умело вставленным Сергеем аргументом о том, что поделом фашисту-агрессору, но при этом продолжал свою сагу о назревшей необходимости единения людей. До чего же было смешно от стенаний венгерского друга Имре. Этот непоседа умудрился проработать в Западном Берлине целых два года и так ничего не понял в этой жизни. Имре излагал ему свое глубоко наивное видение западноберлинской жизни.

— Ты представляешь, эта ужасная стена.

Мартынюк:

— Почему ужасная?

Имре:

— Она все время стоит, и ее надо как-то пересекать.

Мартынюк (глубокомысленно с иронией):

— Имре, стены стоят, чтобы стоять. Но тебе не надо было лезть по лестнице, чтобы пересекать границу. Надеюсь, ты не был контрабандистом?

Имре:

— Да, конечно, но ты не понял.

Мартынюк:

— Имре, это ты не понял. Я шучу.

Имре:

— Сергей, я мог пересекать стену вполне официально, но по специальным разрешениям. Потом, когда ты проходишь их зону с запада, это как-то спокойно. Но если ты пересекаешь границу с востока на запад из сектора ГДР, у тебя возникает ощущение, что ты преступник.

Мартынюк:

— Конечно, преступник. Пересекать границу — это как ходить за языком через линию фронта.

Имре:

— При чем здесь язык? Это консервы?

Мартынюк:

— Это не язык в собственном соку. Имре, взять языка — значит взять немца в плен. Притащить его через линию фронта. Очень, кстати, опасное дело на фронте.

Имре:

— Понял, но это не фронт, а пограничники. Ужасно напряженные...

Мартынюк (перебивает):

— Еще бы! Я их даже понимаю где-то как-то. Вы все время ходите туда-сюда обратно, а пограничник стоит да смотрит, как бы кто не сбежал.

Имре:

— Они смотрят на тебя такими глазами, будто обыскивают. Кажется, что у них не глаза, а какой-то рентген, лазер. Я студентом на экзаменах меньше нервничал, чем на этой границе, которую мне приходилось пересекать довольно часто.

— Восток и Запад никогда не сойдутся вместе, — проявил ученость Сергей. — Еще Киплинг об этом писал. А контрольно-пропускной пункт «Чекпойнт Чарли» ты тоже пересекал?

Имре:

— И его тоже.

Мартынюк:

— Здорово. У тебя богатый опыт. Ты столько видел, а стонешь. Давай лучше еще по одной.

Имре:

— Нет, ты отличный парень, но не понимаешь. Ты знаешь, там много военных, у них много оружия и много всякой военной техники.

Мартынюк:

— Давай лучше дернем. За дружбу!

Они выпили еще по одной, и неутомимый Сергей продолжил перевоспитание Имре.

Мартынюк:

— Говоришь, много оружия. Ты видел когда-нибудь военных без оружия? Это же их любимые игрушки. Отними их у военных, и они уже не бойцы. Вспомни индейцев. У Монтигомо был ястребиный коготь, у рыцаря щит и меч. — Сергей поперхнулся и тут же поправил сам себя: — И не только у рыцаря. Если оружия много, значит, это действительно военные. А чем они будут защищать нас?

Имре:

— Ты опять не понял. Вот мой приятель-чех рассказывал мне о событиях в Чехословакии в 1968 году, когда ввели войска в Чехословакию. При этом имей в виду, что это очень просоветский чех, женатый на женщине...

Мартынюк:

— Оригинал! А на ком ты бы хотел, чтобы он был женат?

Имре:

— Это ты не понял. Он женат на русской женщине. Так вот он мне говорил, что когда ввели танки, то многие чехи и словаки плакали. Почему к ним приехали советские танки?

Мартынюк:

— Но ведь это наши танки. Никто их не захватывал.

Имре:

— Танки?

Мартынюк:

— Еще чего не хватало! Танки? Ты понимаешь, что ты говоришь? Я не про танки, я о вводе войск в ЧССР. Ну, ходят танки по стране. Ну и что? Что здесь ужасного? На параде в Москве каждый год советские танки так гуляют. О-го-го! Броня крепка, и танки наши быстры.

Имре:

— Вот это-то и настораживает.

Этот разговор, как и тот обильный мусор слов, которыми мы ежедневно обмениваемся, казалось, канул в Лету. А сейчас этот забытый эпизод неожиданно выпрыгнул откуда-то из-под сознания. И внезапно Сергей понял почему. Теперь, только теперь он понял этого недотепу венгра. Только сейчас ему почему-то было не смешно. Он смотрел на движущиеся танки и пытался разглядеть лица военных. Сергей открыл окно, несмотря на клубы пыли и копоти, чтобы получше все рассмотреть. Но ничего особенного он не увидел, кроме сосредоточенных глаз и напряженности на лицах армейцев. Глаза его наполнились слезами. Он подумал: очевидно, это от выхлопа и гари.

Наконец колонна прошла, и путь был открыт. Мартынюк завернул к мастерской. Когда он вошел в мастерскую, то, к своему удивлению, обнаружил в ней довольно много людей. Мастера вместе с клиентами только что отхлынули от окон полуподвального помещения и живо обсуждали происходящее.

Степенного вида силач с повадками начальства легко перебрасывал колеса со станка на станок и важно рассуждал о смысле происходящего.

— Ну что, ребята? Кончились ваши игры в перестройки-перекройки? Политика — это вам не урок кройки и шитья. Тут понимать надо, что к чему. Придет наконец сильная власть на смену этому базару. А то разъежились!

Его перебил клиент в галстук, явно из служащих.

— А вы думаете, сильная рука только для тех, кто в шляпе? Интеллигентов, буржуинов и кулаков уже не осталось. Придется всех оставшихся недобитков в ГУЛАГ гнать. Конечно, кроме тех, кого успеют расстрелять.

Силач:

— Да ладно запугивать. Нам нечего терять, кроме собственных цепей. Мы рабочий люд. Мы вне политики.

Клиент:

— То, что вы говорите, уже политика. В сталинские времена...

Силач:

— Ты нам Сталина не трожь. Так ты и на дедушку Ленина покусишься. На самое святое, на самое лучшее — на наш мавзолей Ильича. Ты погляди кадры хроники: Крем-

левская стена без Мавзолея просто голая какая-то. Как баба в бане. Вот какой шедевр науки дала советская власть. Другие страны нас копируют. Вон во Вьетнаме тоже сделали мавзолей Хо Ши Мину. Самое лучшее у нас...

Клиент:

— Ну, если самое лучшее — это современная гробница фараонов, то о чем говорить...

Силач:

— Именно что не о чем, а надо согласиться с объективной реальностью.

Сергей вышел из этой объективной реальности — его колесо было готово. У него была двушка, и он позвонил домой.

Сергей:

— Слушай, Ир, я тут рядом с домом. Ты слышала новости?

Ира:

— Нет, а что?

Сергей:

— А в окно ты ничего не видела и вообще ничего не слышала?

Ира:

— Да, слышала гул какой-то. Сейчас посмотрю в окно... ой, танки вижу...

Сергей:

— И что?

Ира:

— Парад какой-нибудь, наверное, затевают.

Сергей:

— Ира, какой парад в августе? Ты в своем уме?

Ира:

— Не поднимай волну.

Сергей:

— Ира, включи телевизор.

Ира:

— Уже включила, пока ты по телефону выступал.

Сергей:

— Ну и что там вещают?

Ира:

— Ничего.

Сергей:

— То есть как ничего?

Ира:

— А так.

Сергей:

— Да что там передают? Можешь ты сказать членораздельно?

Ира:

— Говорю членораздельно для продвинутых: «Лебединое озеро» Петра Ильича Чайковского. Знаешь такого великого русского композитора? Я тебе сейчас погромче сделаю, а то ты, видно, давно его не слушал. Теперь слышишь?

Сергей:

— Теперь слышу.

Ира:

— Наслаждался? Я записалась в парикмахерскую, поэтому коли ты уже рядом, то заberi Славку. Он у Кати, а то я уже опаздываю.

Сергей:

— Послушай, Ира. В Москве танки, ввели чрезвычайное положение, какой-то Государственный комитет по чрезвычайному положению на нашу голову создали. Со-

крашенно ГКЧП. Какой Чайковский, Славка, парикмахерская? В стране неизвестно что происходит...

Ира:

— Сережа, танки и всякие чрезвычайки никак не могут повлиять на Чайковского, а тем более отменить нашу родную очередь в парикмахерскую. Красота и дети нужны при любой власти, и танки тут ни при чем. Так что не мучайся над непонятным ГКЧП. Кстати, ГКЧП — на ваш комитет очень похоже. Может, вас заново создали и назначили главными, а вы даже и не подозреваете об этом.

Сергей:

— Ты совсем с ума спятила?

Ира:

— Наоборот, это вы там так прикипели к стульям, что соображать разучились. У нас это запросто: объявили о новой перестройке, назвали ответственного, но забыли ему сообщить. Пусть сам, мол, догадается. Это как раз по-нашему.

Сергей:

— Ира. С тобой все ясно. Хорошо, я возьму Славку. Обеспечивай красоту. Может, она спасет наш мир.

Сергей вышел из телефона-автомата и отправился к сестре Ирины за сыном. Редкий случай. Можно позавидовать. В таком огромном городе, как Москва, две родные сестры жили рядом — через дорогу.

Выхлопной дым и пыль медленно оседали. Грязные окна как будто испуганно вжались в дома. Небо куда-то убежало далеко-далеко. Было ощущение, что все родное и близкое ушло. В этом настроении Сергей Иванович добрался до Кати. Непривычная реальность отражалась в его глазах. Катерина открыла дверь и молча (без всяких «здрасьте») напряженно смотрела на Сергея. Наконец, чтобы отогнать от себя тяжесть, она вдруг затараторила так, как будто не было более важной проблемы на всем свете.

Катя:

— Сергей, объясни, пожалуйста, зачем вы настраиваете Славку против пионеров? Зачем вы его втягиваете в политику?

Сергей:

— Катя, о чем ты говоришь? Кто может втянуть ребенка в политику? Это политика втягивается в него. Он много смотрит телевизор, а телевизор сужает процесс восприятия. Говорят, существует даже телевизионная зависимость.

Катя:

— Ты не чуткий, Сережа. Ты не контролируешь ситуацию.

Разговор приобретал явно чувствительный и неконтролируемый характер. Сергей попытался вывернуться из этой щекотливой ситуации и перевести стрелку.

Сергей:

— Обратись к своей сестре. Пусть она запретит ему смотреть телевизор и слушать все эти радиопередачи.

Он сказал это, когда они входили в комнату. Обычно когда он видел сына, настроение у Сергея Ивановича улучшалось, но не сегодня.

Слава:

— Пап. Я хочу смотреть телевизор, — подал голос Слава, услышавший их диалог. — Вы мне обещали, что если я кончу учебный год с хорошими отметками, то смогу смотреть телевизор каждый день. У меня ведь каникулы!

Сергей (неуверенно):

— Катя, ты видишь. Телевизор — это приз за хорошие отметки и каникулы.

Катя:

— Нет. Это непорядок. Славик, послушай свою любимую тетю. Ты ведь меня любишь?

Слава:

— Тетя Катя, конечно, люблю.

— Мы все любим тетю Катю, — подтвердил Сергей.

Катя:

— Не встречай, Сергей. Славик, все мы были пионерами. Я, твоя мама, твой папа, твой брат Миша. Мы все носили пионерский галстук.

Сергей:

— Причем один и передавали его друг другу как эстафету.

Катя:

— Сережка, не перебивай. Вот такие шутки и рожают непонимание и отказ от принципов.

Сергей:

— Во-во, Кать. Не поступись принципами, как Нина Андреева. Помнишь такую тетку — кажется, училка по химии, что всех взбудоражила своей статьей в газете «Правда» с призывами сохранить социализм. — К Сергею начала возвращаться утраченная уверенность. — Хватит политику разводить. Мне надо на работу. И вообще мы договорились не вступать в политические дебаты. Они только ведут к ссорам.

Катя:

— Ладно. Славик, мы с тобой обязательно все хорошо обсудим. Не торопись с решением. Я тебе многое расскажу про пионеров. Пионер — всем ребятам пример! Помни это.

Слава дал себя поцеловать тете Кате и вышел вместе с отцом на улицу. Пыль все еще оседала, и гарь все так же сильно чувствовалась.

Слава:

— Пап, а почему тетя Катя не разрешала мне смотреть танки? Как ты считаешь, это из-за пионеров?

Сергей:

— Да нет, Славка, пионеры тут ни при чем.

Слава:

— Пап, а ты знаешь, Вовка сказал, что его брат не вступает в пионеры.

Сергей:

— Какой Вовка?

Слава:

— Я тебе говорил. Ты забыл, что ли? Мой друг в нашем классе.

Сергей:

— Ну и что?

Слава:

— Думаю, теперь его выгонят из школы. Наверное, страшно, когда тебя выгоняют. Вовка предлагает не вступать в пионеры. Тогда меня тоже выгонят из школы?

Сергей:

— Почему ты не хочешь в пионеры?

Слава:

— Папа, а я не знаю, хочу я в пионеры или нет. Но если кто-то не вступает, то, может, мне тоже не вступать?

Сергей:

— Ты знаешь, Славка, во-первых, плохо, если ты делаешь что-то только потому, что это делает кто-то другой. Привыкай быть самостоятельным и решать сам. Но у тебя еще есть время, чтобы определиться. Вот начнется учебный год... а потом, в пионеры принимают не сразу. Так что вопрос о твоей политической принадлежности не стоит так остро.

Слава:

— Какой прилежности?

Сергей:

— Я говорю о принадлежности. Поспешим, а то я тороплюсь.

Они прилетели домой. Сергей Иванович отвел сына в квартиру и выскочил пулей. Его «Жигули» понесли на работу. Проезжая мимо Белого дома, он увидел толпу людей вокруг здания, соорудивших баррикады.

«Неужели революция? — подумал он. — А на работу все равно надо».

В ГКПЧ он наткнулся на Заграничного.

Мартынюк:

— Давай покурим. Ну, как вы тут без меня? Пропадаете или готовитесь идти в революцию?

Заграничный:

— В революцию пока еще никто не ушел, но к ней могут примкнуть отдельные товарищи и даже коллективы.

Мартынюк:

— Да ты что? Жора, а кто у нас такой герой?

Заграничный:

— Поживем — увидим.

Мартынюк:

— А что Альберт Матвеевич? Какие новые указания в свете последних установок партии и правительства?

Заграничный:

— Похоже, все в полной прострации. Никто не знает, что делать. Кроме заявления ГКЧП, ничего нового. Слушаем «Лебединое озеро». Всенародно любимый композитор начинает терять популярность.

К ним присоединились другие сотрудники комитета, причем не только курящие. Дискуссия на лестничной площадке плавно перешла в стихийный митинг. Внезапно появился Альберт Матвеевич Таганцев и продекларировал.

— Товарищи! Надо сохранять спокойствие и политическую выдержку. Не поддавайтесь на провокации.

В этот момент подлетела возбужденная Лера и оторвала начальство от подчиненных.

Лера:

— Альберт Матвеевич! Вам звонят по вертушке, — и со значением добавила: — Из ЦК КПСС.

Начальник быстро, но в то же время степенно, не теряя достоинства, удалился в свой кабинет.

Неорганизованное собрание загудело. Посыпались шkodливые вопросы:

— Что там наверху происходит? Ничего не знаем, никто не информирует. Как работать?

— Где указания, как жить и действовать? — сокрушался профсоюзный вожак Николай Иванович Перепелкин. — Нам ведь без указаний никак не возможно. А тут еще провоцируют на какие-то действия. Это не дело.

Внезапно сорвался Заграничный. Он произнес пламенную речь:

— Я потрясен. Сегодня даже небо голубое. Когда умер Брежнев, было белое небо. Я тогда ехал в автобусе, и никто ничего не говорил. Все были разбиты новостью и просто молчали. А сегодня... рухнул закостеневший строй. Народ воспрянул, взошло солнце новой эпохи. Теперь права человека, рыночная экономика введут нас в лоно цивилизованных государств. Еще вчера министр юстиции утверждал в газете «Правда»,

что разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную — это не наш путь. Но сегодня мы видим: это наш, и только наш путь! Мы станем понятны Западу. Мы будем похожи на него. Нам никто не угрожает, и мы более никому не угрожаем.

— Ой ли? — охнул Перепелкин.

Заграничный (еще более возбуждаясь и возбуждая собравшихся):

— Запад нам раскроет свои объятия, и мы все станем единой семьей. От нас перестанут шарахаться, как от чумных. У нас появятся более пристойные союзники. Мы станем такими же богатыми, счастливыми, а главное — свободными.

— Кто нам раскроет объятия? Кому мы будем нужны счастливые и богатые, а особенно свободные и независимые? — поделился своими сомнениями Перепелкин.

Заграничный (не обращая внимания на Перепелкина):

— С нами будут разговаривать на понятном Западу языке. Мы будем равными самым достойным. Меня переполняют чувства... Я не могу говорить. Меня рвет...

— Заграничный, держать! Еще раз — держать! Смотри не вырви! — поддал веселья Базыкин. Все нервно засмеялись. — Товарищи! — продолжал Базыкин. — Тема вырвалась за пределы кухни. Это нас сближает. Раньше что нас объединяло?

— Что нас объединяло? — повторили вопрос недоуменно коллеги.

— Партийные собрания, и мы все дружно, как один, плечом к плечу шли к построению коммунизма или просто к построению, — звонко заявил самым серьезным тоном Базыкин, что вызвало еще больший хохот сослуживцев.

— Вам бы только острить, — отозвался Заграничный, игнорируя веселье коллег и еще более увлекаясь. — Меня рвет на части происходящее. Слезы наворачиваются, но я не стыжусь этих слез. Это слезы демократии, которая давно, я повторяю, давным-давно истрадалась и дождалась своего часа в нашей стране. Ура, товарищи! Нет, наконец-то, господа. Дамы и господа.

Базыкин опять поддел его:

— Уже господа?

— Да, господа. Кстати, понятие «господа» охватывает и дам тоже.

Базыкин поддал еще больше:

— Пора охватывать дам? Это радует. Это по-нашему.

Заграничный, не обращая внимания, продолжал:

— Слова «господин» и «госпожа» при соединении являют собой единое понятие и одно слово «господа». Соответственно, господа — это и дамы, и господа мужского пола. — Он все больше воодушевлялся.

Но Базыкин продолжал ерничать:

— Соединение дамы и господина? Что из этого может получиться? Товарищи! Это путь к ячейке общества.

Однако Заграничный (раздражаясь от шуток и еще более распаляясь) продолжал развивать далее свои тезисы:

— Но не это главное, господа. Хватит товарищей, хватит Совдепии. Настало благородное время. Время, когда не надо стыдиться своей интеллигентности. Прошли времена этой так называемой прослойки. Пора закричать во весь голос. И не надо искать какие-то особенные национальные пути. Уже очевидно, что есть один-единственный путь. Это — права человека и рыночная экономика. Нужно найти во что бы то ни стало третий компонент, который перевесит или, лучше, уравновесит эти постулаты и создаст триаду. При царизме, заметьте, не таком проклятом, как нас учили, были самодержавие, православие и народность. При коммунизме три источника и три составные части по кровопийце Сталину. Кстати, отныне непременно будем писать это имя только с маленькой буквы! Был монолит власти, экономики и идеологии. Отныне все

будет по-другому: только плюрализм. Ничего иного! Только учет мнения каждого, никакого навязывания позиции сверху, которая неизбежно кончается, как мы знаем, самокритикой снизу. Мы это уже проходили. Пора переходить от гласности к реальной демократии, иначе труба. Труба нам всем!

Базыкин зааплодировал. Народ поддержал его и загудел. Заграничный отошел из центра немарксистского кружка в сторону, оказавшись рядом с Базыкиным.

— Я не подозревал, что ты можешь так звонко и заразительно выступать. Прямо трибун перестройки, — обратился он к Заграничному.

— Дима, — с подъемом отвечал Заграничный, — уже началась новая эра. Выступать не по писаному, а от души — легко, — увлеченно говорил Заграничный. — Когда говоришь, что думаешь, слова сами льются из души. Их не надо подбирать.

Заграничный чувствовал себя героем и торжественно продолжал вещать Диме:

— Старик, я осмелился озвучить то, что многие разделяют, но боятся сказать вслух. Может быть, говорят подобное втихаря на кухнях, но никогда на собраниях, публично.

Базыкин (иронично):

— Жора, обрати внимание: само собрание сложилось стихийно без участия и, главное, без одобрения начальства, что само по себе уже из ряда вон выходящее событие. У нас теперь вся жизнь будет как одно большое событие.

Заграничный (не замечая иронии):

— Ты прав: сама наша ассамблея уже являет собой акт гражданского неповиновения.

Под воздействием крамолы Заграничного, осмелев, сотрудники начали комментировать ГКЧП.

— Вы видели, какое у нового президента Янаева рукодрожание?

— Какие-то все эти члены ГКЧП угрюмые.

— В стране переворот.

— Где глашатай перестройки Горбачев?

— Почему он нам ничего не расскажет?

— А что-то происходит, или нам только кажется? — встрял со странным вопросом Иван Игнатьевич Самопалов, ветеран предпенсионного возраста, успевший поработать во многих учреждениях.

— Безобразия! Пора переходить к действиям! — кричали молодые, менее осмотрительные.

— Да не высывайся! — урезонивал Перепелкин.

— Хватит прятаться! — вторили зараженные энтузиазмом.

От слов быстро перешли к делу. Кто-то сгонял в магазин. Появилась бутылка, затем другая, третья...

— Друзья! — закричал Заграничный. — Началось!

Все аж вздрогнули: и вправду что-то началось.

— Пришли, пришли другие времена, — провозглашал Заграничный. — Вне праздника, без повода, как это бывало раньше при застое, мы, народ, начали выпивать на рабочем месте в рабочее время.

Все окончательно поверили: вот она, настоящая революция!

— Да, да. Грядет революция. — Новоиспеченный оратор все больше разжигался и увлекал за собой массы. — Та самая революция, которую мы все видели только в кино, о которой читали в учебниках. Ура! На баррикады! К Белому дому!

Базыкин радостно провозгласил:

— Друзья! Я чувствую. Нет, не так. Мы все дружно почувствовали себя одновременно Лениным на броневике, Павкой Корчагиным и Чапаевым на белом коне. В бурке, но черной.

Сравнение понравилось коллегам.

— За броневик с человеческим лицом! За свободу на белом коне, но в черном!

И они опять выпили. Но среди энтузиастов затесались и осмотрительные. Тот же почти пенсионер Самопалов высказал свое особое мнение:

— Друзья мои, а что будет с войсками? У них, должно быть, есть какой-то приказ. Может быть, даже применить оружие в случае крайней необходимости. А где будет эта крайняя? Надо бы разобраться в обстановке, прежде чем делать выводы, выносить суждения или осуждать что-либо.

Заграничный мгновенно парировал это жалкое выступление.

Заграничный:

— Иван Игнатьевич, мы вас уважаем как ветерана. Однако рожденный ползать летать не может. Антон Павлович Чехов призывал выдавливать из себя по капле раба, а мы всю жизнь выдавливаем из себя человека. Когда мы наконец докажем себе и всем, что чиновник — это звучит гордо! Ей-богу, вам ли бояться?

А Иван Игнатьевич боялся показать, что он боялся. Но все же был не согласен во многом.

Самопалов:

— Я все-таки хотел бы знать точно, к чему мы движемся. Мне и с перестройкой и ускорением не все понятно. Горбачев говорит, что надо начинать с себя. А как начинать и ускоряться в самом себе — до сих пор неясно.

Но народ не очень обращал внимания на слова закоренелого ветерана. Брюзжит по старости. Наконец под радостные крики «ура» были опустошены все бутылки. В угарном пьянстве раскрепощается русская душа. Революционные слова сказаны. Закусить было нечем. Время подходило к шести, а значит, пришло время завершать бунт. Можно было уже расходиться по домам. Это начало происходить самопроизвольно. Исход был предрешен.

На выходе у замечательного зеркала Заграничный оказался рядом с Мартынюком.

Мартынюк:

— Ну, Жора, даже не подозревал, что ты можешь быть таким.

Заграничный:

— Каким таким?

Мартынюк:

— Смелым, решительным.

Заграничный:

— Кто знает, на что мы способны. Приходит время, и тогда мы узнаем себя по-настоящему. Надоело прятаться от самого себя. Знаешь, что я решил? Пойду к Белому дому. Мне там интереснее. Все равно дома одни скандалы. Хоть раз сделаю что-то в жизни такое, за что не только не будет стыдно, но даже будет чем гордиться. Наступают, Серега, такие минуты, когда думаешь, сейчас или никогда. Вот у меня такой момент: сейчас или никогда. Сейчас или никогда! Сейчас или никогда! — повторял он все с большей оголтелостью, как будто заклиная самого себя.

Мартынюк:

— Жора, ну что ты заладил: сейчас или никогда. Не сейчас и никогда! Ты хорошо подумал? У тебя ведь двое детей и жена. Могут и оружие применить. Все возможно, и репрессии тоже. Как минимум, можешь стать безработным и тогда о хорошей работе забудь. В диссиденты захотел?

Заграничный:

— Серега, не говори ерунды. В революцию идут, чтобы... как в песне поется (запевает): «Отречемся от старого мира...»

Мартынюк подхватывает:

— Отречемся от старой жены. Отряхнем ее прах с наших ног. Ну, не идти же на баррикады только из-за того, что у тебя в семье нелады последнее время?

Заграничный:

— Я не от жены бегу. Это осознанный шаг. У тех, кто собрался у Белого дома, тоже есть дети и жены, но они же там!

Мартынюк:

— Смотри, Жора. Не пожалей потом. Сам знаешь, в каком государстве мы живем.

Заграничный:

— Вот именно. В стране победившего коммунизма с потрясающими успехами, где права человека реально подкреплены всем народным достоянием и не носят формально-юридического характера, как при ненавистном капитализме. И мы с тобой всем этим и занимаемся.

Мартынюк:

— Ты сам понял, что сказал?

Заграничный:

— А это разве нужно? Главное — мы справки можем писать о правах человека. Как им у нас хорошо и как им у них плохо.

Мартынюк:

— Кому? Правам или человеку?

Заграничный:

— И тем и другим. Какая разница?

Мартынюк:

— А почему только справки? Мы вносили предложения по прогрессивному изменению законодательства, и они проходили через ЦК КПСС. Ты же знаешь, пока не изменишь законодательство, не изменится и практика. Да если хочешь знать, во время перестройки бюрократы больше сделали, чем все диссиденты, вместе взятые.

Заграничный:

— А можно хоть раз пожить без ЦК КПСС? Я хочу быть там, где свобода.

Мартынюк:

— Жора, как там у Штирлица? Воздух свободы опьянил профессора Плейшнера, и он утратил бдительность.

Заграничный:

— Пока, Серега.

Мартынюк:

— Тебя подвезти?

Заграничный:

— Подвези, если не боишься.

Мартынюк:

— А чего бояться? У нас теперь свобода.

Они сели в машину, и Сергей повез Заграничного на баррикады к Белому дому. Он не поехал по проспекту Калинина, но предпочел довести его дворами к набережной. Сергей высадил вновь испеченного бунтовщика.

Мартынюк:

— Жора, желаю тебе вернуться живым и здоровым.

Заграничный:

— А я тебе желаю оставаться неживым, но здоровым. А свободу мы вам, ужам, принесем.

Мартынюк:

— Кому-кому?

Заграничный заявил с пафосом:

— Вам, ужам, рожденным ползать, а не летать.

Мартынюк:

— Ну, лети, свободный от ЦК КПСС.

Коллеги расстались. Их разделила история, но они еще не ведали этого.

Здание ЦК КПСС на Старой площади. Окна занавешены. Полумрак в огромном кабинете.

Сановный начальник Швыряев Степан Иванович смотрит мрачно в занавешенное окно. Затем с тяжелым вздохом берет трубку телефона. Он вызывает сам лично (не через секретаршу) заведующего отделом ЦК по административным органам Клевретова Михаила Борисовича.

Через пять минут Швыряев на мягкий, просительный стук отвечает привычно командным голосом:

— Да-да.

Осторожно вползая в кабинет всемогущего, почтительным голосом Клевретов:

— Доброе утро, Степан Иванович.

Швыряев:

— Недоброе, Михал Борисыч. Ох, совсем недоброе. Ты слышал, какие незрелые и опасные заявления он делает? Оппозицию формирует. Сталин все это преодолел, так нам теперь подарочек. Это все один к одному, к Огаревским подписаниям (подавлено). Ох, добром это не кончится. Надеюсь, ой как надеюсь, что ГКЧП восстановит порядок... (замолкает, затем, встрепенувшись, с силой выплевывает наболевшее.) Но нет ясности. Нет организационного должного оформления. Все сплошные импровизации... нет настоящего плана противодействия сползанию в буржуазное болото. Уже анархия началась. Вся эта интеллигентская шушера поднимает хвост. Людей собрали у Белого дома. Промыли мозги населению все эти газетчики, телевидение... Мы все это уже проходили в Чехословакии в 1968 году. Теперь к нам подбираются апологеты капитализма. Надо действовать решительно, а не слюни разводить. Доигрались со своей демократией. Позиция Горбачева не понятна. Он там, в своем Форосе, а нам тут без каких-либо инструкций самим отдуваться. Нужна оперативность, решительность... Упустили, вырастили своего Дубчика... Что там твои административные друзья? Как настроения в правоохранительных органах?

Клевретов:

— Совершенно с вами согласен. Особенно журнал «Огонек» и его главный редактор некто Виталий Коротич особо отличился. Надо же до такого прийти... было нормальное популярное издание. А теперь, с августа прошлого года вышел из-под контроля издательства ЦК КПСС «Правда» и стал независимым изданием.

Швыряев (с возмущением):

— Где это видано, чтобы был какой-то независимый огонек? Пожара нам еще не хватает! Нигде нет никаких независимых газет и независимого телевидения. Все это выдумки, капиталистические штучки-дрючки для наших доморощенных дураков либералов. Надо что-то срочно предпринимать. Одного ГКЧП мало. Нужно заткнуть рот этому глашатаю. Вы можете там что-то сделать, чтобы прекратить эту самодеятельность Ельцина?

Клевретов:

— Степан Иванович, к нему теперь не так просто подобраться. У него есть своя охрана. Надо было раньше его изолировать...

Швыряев (уже кричит):

— Что ты мне раньше да раньше. Где ваши знаменитые методы? Где ваше уменье? Как понадобилось, так вы уже всякие отговорки подсовываете. Найдите способ, чтобы

он замолчал! Как вы будете это организовывать — меня не интересует. В конце концов, у нас партия может что-то решить, или ее мнение ничего не стоит? (Еще более жестко.) Речь идет о спасении государства. Нужен результат, а не разговоры.

Клевретов:

— Это летаргия национального сознания. Довели народ...

Швыряев размахивает руками, еще более накаляясь:

— Вот именно...

Клевретов (говорит с воодушевлением, но с паузами):

— Нужен решительный и победоносный разворот сознания масс. Мы все одолеем... Гитлера победили... и здесь победим. Я вас правильно услышал и понял. Будем действовать, Степан Иванович. Разрешите приступить.

Швыряев:

— Приступайте, но аккуратно.

Сергей Мартынюк поехал через мост, мимо Киевского вокзала, свернул у «Гуся Хрустального» на Кутузовский проспект и далее погнал к дому на Можайку. Когда он пришел домой, то Ира уже была в сильном возбуждении.

Ира:

— Сережа, ты где пропадаешь? Ты знаешь, что показывали по телевизору?

Сергей:

— «Лебединое озеро»?

Ира (с особым напором):

— Нет, дорогой, Ельцина, к тому же у Белого дома.

Сергей:

— Где ж ему быть, как не у Белого дома, если он там работает?

Ира:

— Сережа, но там войска. Они там тоже для нормальной рабочей обстановки? Он осудил гэкаэпистов и назвал этот путч государственным преступлением. И этот репортаж неожиданно мелькнул по телевизору. Кроме того, наш телевизор принимает CNN, которая установила камеру на крыше гостиницы «Украина» и оттуда показывает Белый дом. Меня больше всего удивляет то, что вначале явно была цензура. Отключили все каналы, кроме Первого. В первую очередь, конечно, отключили российский. А сейчас что-то там у них не срабатывает. Прорывается глас свободы. Похоже, идет раздрай. Говорят, что какие-то танки перешли на сторону восставших. Ты представляешь, что происходит? Восстание! Нет, — поправила Ира сама себя. — Это революция!

Сергей:

— Ты ничего не перепутала, Ир?

Ира:

— Это ты, как всегда, все путаешь. Все на работе. Так и не заметишь, что у нас уже другая жизнь.

Сергей:

— Ира, а что по радио передают?

Ира:

— Не знаю.

Сергей включил радиоприемник и стал настраивать его. Вдруг он услышал голос Ельцина.

Сергей:

— Ирка, я поймал Ельцина. Давай запишем. Наверняка его арестуют и запретят выступление. А у нас запись останется для истории. Включаю на запись. Ты слышишь, что он говорит? Отстранен от власти законно избранный президент.

Слышится голос Ельцина:

«Все это заставляет нас ОБЪЯВИТЬ НЕЗАКОННЫМ ПРИШЕДШИЙ К ВЛАСТИ ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ КОМИТЕТ. Соответственно, объявляются незаконными все решения и распоряжения этого комитета. Уверены, органы местной власти будут неукоснительно следовать конституционным законам и указам Президента СССР...»

Ира:

— Слушай, Сережа, как бы нас не поймали. Ты можешь сделать потише? Вдруг кто-то случайно услышит, что мы записываем Ельцина. Тогда у нас будет запись не для истории, а для тюрьмы.

Сергей:

— Ира, как можно услышать, что кто-то кого-то записывает? Ну, ты человек с высшим образованием, сама-то подумай!

Ира:

— Я не знаю... ну услышат, что мы слушаем.

Сергей:

— Ну и что с того! Тоже мне криминал. Люди на улицах бунтуют...

Ира:

— Вот-вот. Мы знаем, что потом с ними происходит.

Раздался звонок в дверь. Оба застыли.

Ира:

— Кто бы это мог быть?

Сергей двинулся к двери в прихожую.

Ира:

— Не открывай, Сережа. Я боюсь.

Сергей:

— Дай хоть посмотрим, кто звонит. Может, это соседка?

Ира:

— Зачем соседка будет нам звонить в дверь, да еще в такое время?

Сергей (напряженно):

— Какое время? Сейчас девятнадцать часов десять минут. Ужасное время!

Ира:

— И я говорю, ужасное время. Ужасный век — ужасные сердца.

Сергей:

— Брось, Ир. Не дури. Может, ей чего надо.

Ира:

— Чего соседке надо от нас?

Сергей:

— Ну, может, там, соль, хлеб. Я не знаю.

Ира:

— Не подходи к двери! Ну, упрямый! Всегда все по-своему сделает! Не открывай хотя бы!

Вновь раздался нетерпеливый звонок. Он подошел к двери, посмотрел в глазок и крикнул повеселевшим голосом побледневшей жене:

— Это твоя любимая сестра.

Затем открыл дверь. В квартиру вошла Катя.

Катя:

— Что так долго не открывали? Где Славик? Я ему принесла варенье.

Сергей:

— А чего раньше не дала ему варенья, когда мы у тебя были?

Катя:
— Забыла.

Сергей:
— Это вряд ли. Пришла вести пропаганду среди нас. То ли сейчас время?

Катя:
— В жизни всегда есть место и время для идеологии.

Ира (кричит):
— Слава, тетя Катя пришла. Иди поздоровайся.

Из другой комнаты пришел в переднюю Слава.

Катя:
— Славик, я тебе принесла варенье, которое сама сделала из дачной малины. Помнишь, мы вместе с тобой собирали недавно малину? Твое любимое варенье. Иди, я тебя поцелую.

Она поцеловала Славу и торжественно вручила ему банку варенья.

Катя (вкрадчиво):
— Кого ты больше любишь, Славик, тетю Катю или варенье?

Слава (задумавшись):
— Тетя Катя, я тебя люблю, но варенье я люблю тоже. Тебя я люблю как тетю Катю без варенья, а варенье я люблю как варенье. Как можно любить сильнее — я не знаю.

Ира:
— Катька, перестань сбивать его с толку. Что ты противопоставляешь? Провокатор! — возмутилась Ира. — Пошли на кухню пить чай.

После чая Слава ушел к себе играть. Катя посерьезнела и обратилась к родителям с речью:
— Послушай, Ира. Пока Славка играет, я хочу вас предостеречь. Я думаю, что вы неправильно воспитываете Вячеслава. Он не хочет вступать в пионеры. Докатились! Что бы я сказала нашим маме и папе, если бы они были живы? Я как старшая сестра за все в ответе.

Ира:
— Катя, никто его не настраивает против пионеров. Это его решение.

Катя:
— Нет, Ира, не его. Вот так вот нас исподволь разлагают империалисты, враги рода человеческого. Нина Андреева правильно писала, что нельзя поступаться принципами. Запад стремится разложить наш народ чуждыми идеями, беспутными образами, двойной моралью...

Ира:
— Ты еще эту полоумную Андрееву цитируешь? Ну, ты даешь! Ты знаешь, Катя, двойная мораль спасала многих в самые свирепые годы, когда семья давала хоть какие-то представления о добре и зле.

Катя:
— Это все, Ира, либеральные чудачества. Размыты границы между злом и добром. Результат — смута в умах и сомнения в совести. Вот она, ползучая экспансия гнивающего Запада.

Ира:
— Послушай, Катя. О чем ты говоришь? На улицах демонстрации и танки. По существу, революция... завтра неизвестно, что будет. А ты вытащила эту тему. Тоже мне вопрос жизни и смерти: будет Славка вступать в пионеры или нет? Еще учебные занятия не начались, а уже политическое дело завелось.. и потом, он же смотрит телевизор, где показывают и вещают все что угодно. Я же не могу запретить ему смотреть телевизор...

Катя:

— Вот я об этом и говорю, Ира. Разложили всю страну эти либералы. Теперь взялись за самое дорогое, что у нас есть, — за детей. Войска ввели — значит, так надо. Довели страну. Идет развал всего.

— Послушай, Катя, — вступил в разговор Сергей. — Сколько я живу — столько времени я слышу только одно: враги, враги. У нас всегда во всем виноваты враги. Неурожай — враги виноваты. Газеты считаешь или телевизор посмотришь, так прямо сводки с театра военных действий. Началась битва за урожай. Борьба за озимые. Мы в мирное время живем или нет? Где наша власть? Может, это она и довела нас до этого состояния. Народ не хотел революции. Но если люди не могут иначе, они нехотя делают революцию. А потом уже нам объясняют предпосылки возникновения революционной ситуации. На уроках политучебы нам рассказывают, где был проститутка Троцкий и какие были предатели Зиновьев и Каменев.

Еще более распалаясь, он продолжил на повышенных тонах:

— Кто на этот раз будет спасителем нации? Проигравшему всегда уготовлена участь предателя. Интересно, станет Горбачев волюнтаристом, как Хрущев? Да, нельзя уезжать отдыхать на море руководителю партии и правительства, даже если он стал первым президентом СССР. Ой, как опасно оставлять город без пригляда, да и всю страну тоже. Особенно такую, как наша. Особенно когда много недовольных. Особенно когда отнимают соску у народа...

Катя:

— Какую соску?

Сергей:

— Катерина, соска у народа одна — питье. Запрети водку — жди бунта.

Катя:

— Опасные речи.

Сергей:

— Конечно, Катя, опасные. Жить опасно. Не вступать в пионеры опасно. 19 августа опасно. Кстати, оно станет новым 25 октября, или будут у нас новые декабристы.

Ира:

— А что, теперь будут августисты?

Катя:

— Мы договорились не вступать в политические дискуссии, а то поссоримся. Я пошла домой. Спасибо за чай.

Ира:

— Что так быстро, Катя?

Катя:

— Скоро Миша придет. Надо его кормить.

И Катерина засобиралась домой. Сергей и Ирина проводили ее до двери. Затем уложили спать Славку и вскоре сами легли спать в первую революционную ночь.

Все тот же день от Рождества Христова в той же самой стране, пока еще СССР.

После работы у известного зеркала случайно встретились Лера и Дмитрий Базыкин. Уж поверьте, на самом деле случайно.

Лера:

— Дима, ты не мог бы мне помочь? Тут кур выбросили, и я сумела отовариться. Больно тяжело тащить. Ты на машине? Может, подкинешь меня? Я живу недалеко, на Калининском проспекте, прямо напротив глобуса Аэрофлота, за булочной. Там старые дома в глубине Новинского бульвара.

Дима:

— Как тебе удобно жить, Лера. Все под боком. На обед домой сгонять можно.

Лера:

— Да, как же! С нашим шефом сгоняешь! Каждую минуту звонит: то ему не то, а то ему не это. За день так задергает, что домой прихожу без задних ног. Ну, так что? Подбросишь?

Дима:

— Хорошо, царевна-лебедь.

Лера:

— Почему царевна-лебедь? Плыву по жизни, как лебедь?

Дима:

— Нас клюешь, как царевна-лебедь.

Лера:

— А без наскоков, чтобы просто довести до дому? Это никак не получается? Сделал гадость, и жизнь сразу же удалась. Как-то на душе легче и беззаботней, не так ли?

Дима:

— Шуток не понимаешь?

Базыкин взял сумку, и они пошли к его «Жигулям». Они быстро достигли ее дома. По дороге Лера все время рвалась на баррикады и подбивала Дмитрия подъехать поближе к Белому дому.

Лера:

— Дим, давай хоть посмотрим одним глазком?

Дима (непреклонно):

— Чтобы остаться без глаз, а заодно и без головы?

Лера:

— Ты со мной. Держись меня — не пропадешь.

Дима:

— Вот это меня и пугает. Ты помнишь, сколько людей погибло на похоронах Сталина?

Лера:

— Дима, ты благоразумный. Уверена, ты никогда не пропадешь.

Дима:

— Да, я не хочу пропадать. Да и за что? Что в этом героического? Ты знаешь, это в театре красиво наблюдать взрывы эмоций.

Лера:

— Такой молодой, и уже ноешь. Пошли. Я тебя чем-нибудь вкусным угощу за твою доброту.

Базыкин не сопротивлялся, и они оказались в квартире Леры.

Дима:

— Неплохо ты устроилась. Двухкомнатная в сталинском доме в центре Москвы. Да ты завидная невеста.

Лера:

— Опоздал. Была. Я уже замужняя матрона. А квартира эта досталась мне от бабушки. Я здесь живу давно и очень привыкла к этому месту. Даже не представляю, как можно жить вдалеке от центра.

Дима:

— А многие люди в Москве еще как представляют. У них, Лер, просто иного выбора нет, кроме как представлять такую жизнь наяву.

Но Валерия не отреагировала. Она начала хлопотать на кухне. В это время к ней подошел Дмитрий и обнял ее. Она не сопротивлялась, а как будто бы ждала этого напа-

дения и живо откликнулась. Постепенно, на ходу раздеваясь, они перебрались в комнату и рухнули на постель. Время остановилось.

Когда оно вновь пошло, Лера встрепенулась. Она услышала какой-то странный звук. Конечно, забытый кран продолжал тихо наполнять и переполнять раковину. Ох, этот закон физики! Вода текла по полу и сочилась через плинтус по стене вниз. Вниз к соседям.

(Голос за кадром). Что может быть хуже незваного соседа? А что может быть хуже заливаемой квартиры? Избегайте того и другого! А если не сможете, то держитесь. Вы откроете в себе удивительный дар красноречия. Вы поразитесь своим ораторским способностям в новоязе. Вот что может с вами сделать простая вода. Вода, которую невозможно сжать.

Быстро одевшись, Лера бросилась с тряпкой и ведрами на кухню, как пожарный на огонь.

— Этого нам еще не хватало! На тебя приятно смотреть. Ты ринулась на воду, как солдат на амбразуру. Как орел бросается на добычу с небесной высоты, как обезумевшие волны цунами на трепещущий берег, — сообщил застигнутый врасплох Дмитрий, входя в кухню и шлепая Леру пониже талии.

— Вот она — ваша помощь мужская, — беззлобно ответствовала Лера, отмахиваясь от него, не переставая вытирать пол и выжимать тряпки.

Дима:

— Да, в кино, когда влюбленные от утех забывают о яичнице и она сторает, это вызывает улыбку, а теперь почему-то не до смеху.

Лера:

— Потому что надо все бросать и убирать, милый Митя.

Вдруг раздался звонок в дверь. Они оба замерли. Звонок продолжал настойчиво доказывать свою нужность.

Дима (шепотом):

— Ни за что не открывай. Замри!

Лера:

— Что ты испугался? Муж в командировке...

Дима:

— Вот это меня и пугает.

Лера:

— Да нет, успокойся. Это кто-то другой.

Дима:

— Кто может быть другой, когда муж в командировке?

Лера пошла к двери вопреки умоляющим жестам Базыкина. Она только приоткрыла дверь, как в квартиру вломилась объемная соседка. От ее криков казалось, что соседка стала еще больше.

Соседка:

— Вы знаете, что вы нас заливаете? У нас уже стена мокрая. Как вы можете на нас капать? У вас что, нечем дырку заткнуть?

Выражая свое глубокое недовольство, соседка одновременно неуклонно, подобно крейсера «Аврора», продвигалась к кухне, оттесняя Леру. На кухне она увидела Базыкина, который был уже в штанах и майке, но без рубашки. С отстраненным видом он пытался неумело, но уверенно гнать воду к ведрам, однако она разбегалась в разные стороны.

Соседка:

— Мужчина, да что же вы шваброй воду подгоняете? Ее надо собирать, а не швырять по углам. С углов вода прямиком к нам идет. Ну, потоп! (Вглядываясь пристально.) Ой, а кто это? Что за мужчина с веслом?

От этих слов Базыкин приобрел еще более отстраненно независимый вид и молча продолжал свое ненужное дело.

Лера:

— Муж на работе, а я любовника специально пригласила, чтобы пол помыл. Да, видно, толку от него никакого. А что вы пришли выяснить, как я организую свою личную жизнь?

Соседка:

— Да нет... но меня, правда, ведь заливают, — растерянно закудахтала соседка. — Я испугалась, что никого нет и еще больше зальют...

Лера:

— А ну-ка пошли к вам и посмотрим, так ли вас сильно залило, как вы тут изображаете. Прямо плач Ярославны. Я сейчас сама расплачусь.

Теперь Лера перешла в контрнаступление. Она взяла под руку соседку, которая от этого напора даже съежилась, и потащила ее к выходу. Они прогрохотали по ступенькам на этаж ниже. Соседка только успела дверь открыть, как на этот раз Лера стремительно внедрилась в ее апартаменты. Чтобы сбавить Лерин напор, соседка приступила к дознанию. Как на футболе свое поле, так и родные стены квартиры тоже помогают.

Соседка:

— Что, у вас всегда полуодетые мужчины так развлекаются?

Лера:

— Не полуодетые, а полураздетые. И не развлекаются, а работают. Это я развлекаюсь. Но не успела. Помешали. Ну и где вода? Не вижу.

Соседка:

— Да вот же, на кухне. А он кто? Я нечасто вижу... не помню точно, как выглядит ваш супруг, но на мужа он не похож.

Лера (с вызовом):

— Зато я помню. А кто вам сказал, что это муж. Я уже доложила, что не муж. Разве муж станет помогать пол мыть? Ясное дело, что на мужа он и не должен походить. Приходящий мужик должен принципиально отличаться от мужа, а иначе зачем его звать? И вообще, кто, кроме любовника, вымоет пол? Некому более. А все-таки где залило? Не вижу никакого тайфуна.

Соседка мгновенно переключилась.

— Нет, как же! Смотрите, на кухне вода по стене протекла. Здесь ремонт нужен, да еще какой! А часто он к вам приходит?

Лера:

— Кто?

Соседка:

— Ну, этот, который специалист половой, то есть по полу.

Лера:

— Часто... когда муж в командировке.

Соседка:

— Нет, ну вы прямо так... я серьезно.

Лера:

— И я серьезно... Больше ничего нет?

Они вдвоем осмотрели ванну и туалет. Там все было сухо.

Лера:

— Ну что ж, этот ремонт я оплачу. Вызовем техника из ЖЭКа, и он оценит, хотя я вам сразу могу сообщить: ремонт недорогой.

Соседка:

— То есть как это недорогой?

Лера:

— Ну, хорошо. Хотите, полюбовно решим и быстро? Если да, то прямо сейчас вы пишете расписку на сорок пять рублей, и я вам их вручаю. Причем немедленно. Не забудьте только приписать, что вы не имеете претензий ко мне и не будете обращаться в судебные и иные инстанции.

Соседка:

— Ой, я прямо не знаю. Это так быстро. Так внезапно. А что этот специалист скажет? Может, его позвать?

Лера:

— Это зачем?

Соседка:

— Ну, он все-таки мужчина. А мужчины лучше в этом понимают.

Лера (с особой решимостью):

— В чем, в этом?

Соседка (испуганно):

— В ремонте.

Лера (разочарованно):

— Это смотря какой мужчина. У меня в доме муж лампочки сменить не может.

Соседка:

— Вы поэтому позвали другого? А этот может?

Лера:

— Который, этот?

Соседка (недоуменно):

— Ну тот, который остался.

Лера:

— Не знаю, еще не пробовала. Он больше по полу специализируется. Ну, согласны или нет? У меня с собой есть деньги. Вашему ремонту красная цена — тридцать рублей. Даю сорок пять, и вы пишете расписку.

Соседка:

— Я должна подумать.

Лера (с напором):

— Ну, женщина, решайтесь.

Соседка (в сильной неуверенности):

— Я прямо не знаю. И подсказать некому...

Лера:

— Тогда я пошла.

Соседка:

— Нет, подождите. Я согласна. А может, шестьдесят рублей?

Лера:

— Все, гражданка. Я ухожу.

Соседка:

— Подождите. Я не могу так скоро.

Лера (раздраженно):

— А я могу. Да или нет? Или я ухожу. — Валерия двинулась на выход.

Соседка:

— Хорошо-хорошо. Я согласна.

Они быстро совершили квазюридические действия по составлению бумаги. Соседка более сосредоточилась на квартирном вопросе, и ее интерес к личной жизни Леры остыл. Под диктовку Леры она написала расписку. Обмен по формуле Карла Маркса деньги — товар в виде бумаги состоялся.

Дмитрий долго дотирал пол — сказало отсутствие опыта. Он только завершил процесс полового омовения, как появилась Лера.

Лера:

— Ну вот, кажется, проблема решена. Не такой уж и ущерб. Я сумела договориться о денежной компенсации, и тетка затихла.

Дима:

— Какая ты боевая и предусмотрительная!

Лера:

— Приходится. Я прихватила бабки на выходе из своего непотопляемого жилища.

Дима:

— А как насчет мужа?

Лера:

— А какое ее дело?

Дима:

— А все-таки?

Лера:

— Послушай, Митя, тебе все нужно знать, как этой любопытной тетке?

Она села к нему на колени, и они опять выключили время из сознания. Когда они вернулись в настоящее время, она принесла сигареты и пепельницу. Они лежали молча на диване и курили.

Лера:

— Как хорошо помолчать и ничего не решать. Я так устала от того, что всю жизнь должна принимать решения и при этом находить быстро единственно правильное решение. Подчас так хочется, чтобы за тебя кто-то думал и решал, а ты бы только плыла по течению.

Дима:

— А что с мужем?

Лера:

— Ой, Митя, все-то тебе надо знать. Ну не живем мы вместе сейчас.

Дима:

— Что так?

Лера:

— А тебе не все равно? А ты почему не женат?

Дима:

— Уже был.

Лера:

— И конечно, она стерва, а ты хороший и несчастный.

Дима:

— Нет, она вовсе не стерва. Она ушла от меня... к другому. С дочерью.

Лера:

— Правда, что ли?

Дима:

— Нет, я только что это придумал, чтобы развеселиться.

Лера:

— Вот оно что. Нет, у меня было все нормально, а потом, точнее, последний год у мужа крыша поехала. Он работает в Союзнефтеэкспорте. Из заграникомандировок не вылезает. С деньгами все нормально. А тут стал такой нервный, пить начал шибко. Раньше его невозможно было вывести из себя. А сейчас такой агрессивный стал. Что у них там, в нефти, происходит, не знаю, но вижу, добром это не кончится. Ну, я его

и выгнала. Сказала, как успокоишься, тогда, может, и приму. — Она помолчала и через паузу тяжело выдохнула: — А может, и не приму. В общем, не в разводе, но и не замужем. Ни то ни се.

Дима:

— А что мешает тебе развестись?

Лера:

— А ты не догадываешься?

Дима:

— Нет.

Лера:

— Да все очень просто. Если я разведусь, то в заграникомандировки будет очень трудно выезжать. Если даже пустят, то придется на столько гадких вопросов отвечать. Эти держиморды в выездных комиссиях особенно любят пытаться разведенных женщин. Задавать всякие поганые вопросы. А почему развелись? А что значит, не сошлись характерами? А что, он вас не удовлетворяет? А чем? И тому подобное. Особенно эти старики-вредители любят в грязном белье копаться. Вот мы прожили тридцать-сорок лет, а вы, молодежь, порхаєте туда-сюда. Вы должны будете представлять интересы Родины за рубежом. С таким моральным обликом вас нельзя рекомендовать на выезд в зарубеж. Я, что ли, интересы страны защищаю? Мое дело печатать. Одна моя подруга не выдержала и начала спорить с ними. Так народные мстители сказали, что она политически незрелая и не достойна ездить в заграникомандировки. Бабу не пускали четыре года. Во как! Если я разведусь, то должна тут же замуж выйти. Тогда это как бы уже закрывает проблему.

Дима:

— Вот оно что.

Лера:

— Это не намек. Пожалуйста, не думай ничего такого. Я девушка взрослая, опытная. Со мной не пропадешь!

Дима:

— Вот этого я и боюсь.

Лера:

— Слушай, а пойдем и посмотрим, что там творится на улице. Мы же в двух шагах от восстания. История творится на наших глазах, а мы сидим по квартирам и ничего не видим. В учебниках читали про Октябрь, думали, вот какое время было боевое...

Дима:

— А ты не боишься, что начнут стрелять, потом сажать. Лучше по телевизору посмотрим.

Лера:

— Да мы так всю жизнь по телевизору и смотрим чужими глазами.

Дмитрий включил телевизор. Там опять показывали выступление членов ГКЧП.

Они оба посмотрели на экран и переглянулись.

Дима:

— Что-то у исполняющего обязанности президента Союза Советских Социалистических Республик товарища Г. И. Янаева руки трясутся?

Лера:

— Это оттого, что он принял семьсот грамм для храбрости.

Дима:

— Ты знаешь, мне все равно, от чего у него дрожат руки: от пьянства или от страха.

Лера:

— Дим, тебя послушать, так ничего не имеет значения.

Дима:

— Если у лидера дрожат руки, значит, скоро вся наша страна задрожит.

Лера

— То есть ты полагаешь, что случится что-то ужасное?

Дима:

— Не случится, а уже случилось.

Лера:

— И что нас ждет далее?

Дима:

— Дай Бог, чтобы не было гражданской войны и погромов.

Лера:

— Ты пессимист!

Дима:

— Пессимист — это хорошо информированный оптимист. Если ты так хочешь узнать, что творится на улице, я тебе сейчас доставлю информацию, не выходя из дому.

Он взял телефон и позвонил кому-то.

Дима:

— Саня, привет. Что там у вас происходит? Да ты что? Это правда? Ну, дела, и впрямь революция! (С возрастающим удивлением.) А что у вас в Склифе? Указание подготовить токсико-реанимационное отделение для возможного приема пациентов? И у других клиник такие же указания. Что мокрое? Ах, иметь при себе мокрый носовой платок на случай применения отравляющих веществ. Это точные сведения? Тульская, Кантемировская и Таманская дивизии вошли в город. Со стороны Большого театра колонна бронетранспортеров идет к Манежной площади... Там митинг? С призывами к бес-
срочной забастовке.

Кладет трубку.

Дима:

— Слышала?

Лера кивнула.

Дима:

— На Манежной люди перегородили площадь, взявшись за руки, и остановили колонну. Мой друг, ну врач который, говорит, что у гостиницы «Националь» демонстранты перевернули два троллейбуса и перегородили Тверскую улицу. А комендант Москвы Смирнов сказал, что в Москве введено чрезвычайное положение. А еще он говорит, что введены войска...

Лера:

— Зачем?

Дима:

— Комендант сказал: для поддержания порядка и для пресечения террористических актов.

Лера:

— Как раз революция подоспела, а мы здесь затаились.

Дима:

— Неплохо притаились.

Лера:

— Инертны мы ко всему, что так волнует общественность.

Дима:

— А она у нас есть?

Лера:

— Из-за нас ее никогда и не будет.

Дима:

— Ты это таким правильным голосом сказала, что я и не знаю, как к тебе подступиться.

Лера:

— Вот как подступиться — это ты прекрасно знаешь и умеешь, — сказала она, целуя Диму.

Дмитрий опять закурил.

Лера:

— Ну что ты молчишь? Что вы так настроены на построение? Бабы и то смелее вас.

Дима:

— Моего деда расстреляли, а бабушка вернулась из лагерей помирать от туберкулеза после реабилитации. У меня из-за этого всегда в школе реакция Пирке была положительной. Я не знаю, как мой отец пробился по жизни. Он не любит распространяться, каково ему было... быть сыном врага народа. Меня за границу тоже не сразу стали пускать. Всех лучших поубивали на войне и в лагерях. Осторожность — это наша прививка. (После паузы.) Неужели советское правление возьмет и само кончится? В истории не бывает, чтобы власть просто так отдавали.

Лера:

— Говорят, что в 1917 году власть валялась на улице и ее большевики просто подобрали.

Дима:

— Так подобрали, что в Гражданскую войну чуть ли не десять миллионов людей ухлопали.

Лера:

— Это потом.

Дима:

— Здесь не революция, а, скорее, какой-то потешный переворот. Слюнявая власть. Кто приказы будет отдавать «стрелять, и побольше». Накануне Февральской революции царь Николай Второй писал: «Кругом измена, трусость и обман». А нынешним правителям даже некого винить. В 1917 году новые гонители — это вчерашние православные, а сейчас новые православные — это бывшие коммунисты.

Лера:

— Я устала от всего этого. Слушай, давай поедим. Я сделаю цыплят табака. Альберт Матвеевич подкинул мне цыплят.

Дима:

— Цыплят по осени считают. А что это он такой добрый к тебе? Глаз положил?

Лера:

— Заревновал? Положил, и давно, но боится переходить грань. Только подшучивает и глазами ест. Шестьдесят лет, а он все налево норовит закосить. Что вы за народ, мужики.

Дима:

— Такой же народ, как и бабы. А вообще, ты в чем-то права. Я заметил, если дама фигуристая пройдет мимо, то он может потеряться. Улыбается и переспрашивает: так о чем я говорил, товарищи? Прямо ступор, какой на него находит. Бывает, так засмеется, глядя на сирену, что может и прослезиться. Невольно.

Лера:

— Ты знаешь, Дима, вообще-то, смотреть на нашего начальника тошно. Из заграницы не вылезает, а ходит в затрапезном костюме. Галстук лоснится, на носки смотреть страшно. В ботинках его впору ездить на картошку. Кто-то сказал ему, что, мол, неплохо как-то одеваться поаккуратней. А он в ответ: у нас иные ценности!

Дима:

— С одной стороны, начальники — тоже люди, а с другой — нелюдь. Как будто закон какой-то есть...

Лера:

— Какой закон?

Дима:

— А такой. Как только становится начальником, то не завтра, а именно тут же, сейчас превращается во что-то иное.

Лера:

— Душа быстро отлетает у начальства, а он все живет бездушный. Разберись потом, кто с душой, а кто нет!

Дима:

— Ух ты какая революционерка! А все: Альберт Матвеевич, Альберт Матвеевич! Все улажу. Все доложу.

Лера:

— Не смешивай личное с общественным.

Дима:

— Тогда прояви личную заботу обо мне.

Лера обняла его, и они поцеловались.

Лера:

— Слушай, Дим, мы забыли о еде. Пойдем выпьем и закусим.

Они перебрались на кухню. Лера достала бутылку водки. Дмитрий разлил, и Лера между хлопотами на кухне выпила с ним раз и другой.

Дима:

— Теперь ты меня спаиваешь? Потом, Лер, ты меня выгонишь?

Лера:

— Нет, оставайся, куда ты поедешь выпимши?

Дима:

— А теперь свобода. Кто будет проверять? Ни ГАИ, ни милиции, одна лишь революционная стихия.

Лера:

— Скорее, анархия.

Дима:

— А у нас свобода — это всегда анархия и воля.

Лера:

— Ладно. Давай ужинать. Выпьем за революцию. Нет, за нас, за ее живых свидетелей.

Дима:

— Вот как революция обновляет кровь! Вот революция дает!

Лера:

— Нет, это ты даешь.

Они доужинали и отправились в спальню. Так закончился первый день революции. Кому страсть, а кому революция.

День второй, он же двадцатый того же месяца и того же года от Рождества Христова. Путч продолжается.

(Голос за кадром на фоне песни Кобзона): И опять во дворе нам пластинка все та же поет: чиновники собирались в ГКПЧ так же, как они это делали каждый день всю

свою сознательную жизнь. Но на этот раз многие пришли позже. Не очень торопились. Подгнило что-то в советском государстве. Пришла пора, и власть расстроилась, а люди растерялись. Растерялись настолько, что перестали бояться опаздывать на работу. Ох, какой нехороший признак для власти, когда люди перестают бояться опаздывать на работу!

Жизнь начинала струиться привычно. Революция революцией, а чиновник живет своей обыденной жизнью. Кто-то пытался заниматься бумагами. Конечно, только утром после чая и сигарет. Традиции не могут уступать дорогу новым веяниям. Кто в состоянии отменить этот утренний обычай? И чай в работе играет важную роль.

По дороге Лера поприслала:

— Дима, для конспирации высади меня за несколько кварталов до работы.

Дима:

— Вот она, сегрегация любви.

Дмитрий затормозил, и Лера вышла из машины. Они появились в учреждении порознь.

А в это самое время...

Швыряев звонил из дома Клевретову:

— Михал Борисыч, надо встретиться. Давай где-нибудь вне работы.

Клевретов:

— Хорошо, Степан Иванович. Давайте подальше от суеты. Как насчет шашлычной «Казбек» на улице Герцена (ныне Большой Никитской). Противопоказания есть?

Швыряев:

— Нет, никаких. Только если там спокойно...

Клевретов:

— Более чем.

Швыряев:

— Тогда до встречи через час.

Клевретов:

— Договорились.

В шашлычной было мало народу. Спокойная обстановка располагала скорее к конспирации, чем к дебатам ботаников.

Швыряев (устало с печалью):

— Ты слышал, что происходит у Белого дома? Настоящая контрреволюция, десант оппозиции... Все этот борец за справедливость Ельцин усугубляет. Сплошная импровизация... К чему идем? Куда катимся? Боюсь, что мы теряем ощущение момента. Нужен грамотный разворот сознания, чтобы преодолеть и повернуть вспять крамольное поведение мысли. Просто какой-то водопад идиотизма. Что у вас там, в ваших органах?

Клевретов (достаточно энергично):

— Наблюдаются разброд и шатания. Ни в чем и ни в ком нет уверенности. Это я вам по секрету ответственно говорю. Тем не менее удалось отправить сотрудника — подчеркиваю: надежного — на задание. Он справится с поставленной задачей, но необходимо договориться с хозяйственным управлением об ордере на...

Швыряев (раздраженно):

— Какой еще ордер? На арест, что ли? Уже поздно... упустили время...

Клевретов (спокойно, но уверенно с напором):

— Это было очевидно уже вчера. Нет, речь идет о ликвидации, и нужен ордер на квартиру для исполнителя. Он, кстати сказать, попросил письменное распоряжение на этот счет. Необходима соответствующая инструкция.

Швыряев:

— Как там у Булгакова? Квартирный вопрос испортил (возмущенно)... опоздали вы с вашими инструкциями. Вы что, хотите нового Альенде нам устроить? Жертву наши... тоже мне! — после долгой паузы с силой чеканит: — Немедленно отменить все эти ваши приготовления. Я на это никаких указаний не давал.

Клевретов (несколько потерянно):

— Степан Иванович, но вы ведь сами говорили...

Швыряев (жестко и раздраженно):

— Ничего я такого не говорил и не разрешал. Вы не так поняли. Это ваша ошибка, и попрошу ее незамедлительно исправить. А то никому не поздоровится. И не привлекайте к этому никакие спецслужбы. А то они перестараяются и дров наломают. Найдите кого-нибудь нейтрального. Лучше всего какой-нибудь посторонний человек.

Клевретов (удивленно):

— Да где же сейчас сыщешь, да еще срочно, такого постороннего человека? Во всем Советском Союзе уже нет посторонних. Прямо спотыкач для извилин.

Швыряев:

— Во-во, спотыкач. А вы потренируйте ваш мозг. И имейте в виду, ЦК здесь ни при чем.

Клевретов (озадаченно):

— Да, непростая задача. Не знаешь, как к ней и подойти-то...

Швыряев (с усмешкой):

— А вы не бойтесь. Подходите. Нет таких задач, которые не смог бы выполнить коммунист. Для этого вы и работаете в Центральном Комитете КПСС. Знаете что? Поищите кого-нибудь за пределами спецслужб и партийных органов... хоть из одноклассников, сокурсников. Можете их использовать втемную, а можно частично информировать. Знаете, есть такие головотяпы, что начитались всякой ерунды. Они думают, что какие-то права человека, какая-то демократия, рыночная экономика — все эти чуждые нам игрушки могут сотворить чудо. Есть такие чудаки. Вот их и надо использовать. Рассказать о ретроградах-заговорщиках, которые мечтают похоронить все прекрасное и погубить прозревшего (это с их точки зрения) коммуниста Ельцина, хотя на самом деле его следовало давно уже изолировать с его врожденным бредовым состоянием. Ну да ладно (с сожалением)... поздно слюни пускать. Возвращаясь к теме... надо внушить, что только ты спаситель... и товарищ поймет, где его место и что он должен сделать. В общем, схема понятная, не так ли?

Клевретов:

— В общем да.

Швыряев:

— Ну а если понятно, то действуйте. Отменить все немедленно.

Два креативных заговорщика быстро покинули гостеприимный «Кавказ».

И вновь Госкомитет по правам человека.

Вскоре пришел Альберт Матвеевич. Лера принесла ему бумаги.

— Лера, сегодня почты не густо, — невесело заключил начальник.

Лера ушла, но вскоре вернулась.

Лера:

— Вам звонят.

Таганцев:

— Кто? Откуда?

Лера:

— Из Верховного Совета СССР.

Таганцев:

— Соединяй. Але. Нет, это ГКПЧ, а не ГКЧП. Это большая разница. Я вам объясняю, мы не орган правительства. Мы при правительстве, но не часть его. Кому подчиняемся? — невнятно бросил: — Да всем, — но тут же поправился: — Инстанции. Да, мы имеем отношение к правам человека. Что-то наподобие Союза советских обществ дружбы. Да-да, мы с ним и территориально рядом, по соседству, напротив почти. Да, пожалуйста.

Таганцев прекратил разговор и вызвал секретаршу.

— Лера, все перепутали. Просьба перепроверять, кто нам звонит, и отсекаать. Что же там происходит? Кстати, а что думают в МИДе?

Он набрал привычный номер по вертушке.

— Сан Саныч! Что у вас? Ах, что у всех. И у нас так же, как у всех. Хотел поинтересоваться: согласно пактам ООН о правах человека, в случае введения чрезвычайного положения необходимо информировать Генерального секретаря ООН... О чем информировать? (Вопросительно.) Об этом. О чрезвычайном положении, на какой территории его ввели, на всей или его части. Реализация каких прав человека приостановлена и на какое время. Ах, сам знаешь? Это очень радует. У-ху. А что не информируете? А-а, будете сообщать нашим посольствам и миссиям за рубежом текст заявления ГКЧП. Нет иных указаний? На то вы и МИД.

Альберт Матвеевич выглядел очень удрученно после телефонного разговора.

Он задумчиво произнес:

— МИД большой — ему видней.

Вошла Лера.

Лера:

— Альберт Матвеевич, может, собрать народ?

Таганцев:

— А надо ли?

Лера (мягко-настойчиво):

— Ждут, хотят услышать ваше веское слово. Ситуация сами видите какая.

Таганцев:

— Последнее слово?

Лера:

— Как можно? Такое даже осмыслить невозможно.

Таганцев (задумчиво):

— Давай созывай народ.

И Лера стала созывать народ на собрание.

(Голос за кадром). Собрания всегда проходят в огромном кабинете начальника. Так было всегда. Так будет! Здесь, в ГКПЧ, боролись за перевыполнение социалистических обязательств. Здесь гневно осуждали буржуазных апологетов. Здесь прорабатывали виновных в недостаточном понимании требований текущего момента. Здесь поздравляли отличившихся в успешном созидании светлого будущего. Именно здесь производственные собрания сменялись партийными, которые укрепляли дисциплину и закрепляли все лучшее, что способствовало проведению партийной линии в жизнь. Вот какой это был передовой кабинет борцов правочеловеческого фронта. Здесь все было призвано поднимать дух бойцов ГКПЧ, помогать им противостоять вылазкам, нападкам и клеветническим измышлениям загнивающего капитализма, направленным на подрыв социализма в СССР и в других странах социалистической системы.

Народ вяло собирался в кабинет чистки духа. Только Петя Молодцов (совсем молодой человек лет двадцати пяти, сразу после института) шел в кабинет решительным

шагом. Он явно был чем-то взволнован и растревожен. В предбаннике он задержался и бросил Лере недовольно.

Молодцов:

— А я видел, как ты подъехала.

Лера:

— А теперь ты ко мне подъезжаешь?

Молодцов:

— Подъезжать? Нет... я не знаю.

Лера:

— Не знаешь — так проходи. Может, ты из органов? Следишь? И что ты видел?

Молодцов:

— Ничего. Просто видел. Вот и все.

Лера:

— И что из того?

Они старались говорить тихо, так, чтобы проходившие в кабинет начальства сослуживцы не могли понять, о чем идет речь.

Молодцов:

— Лера! Ты меня игнорируешь, а с кем-то едешь.

Лера:

— Не с кем-то, а с коллегой.

Молодцов:

— Утром?

Лера:

— А что, утром нельзя, а вечером можно? Утром даже лучше.

Молодцов:

— Нельзя ни утром, ни вечером. Никогда нельзя. И что значит лучше?

Лера:

— Ничего нельзя. А с тобой можно?

Молодцов:

— Нужно.

Лера:

— Это допрос?

Молодцов:

— Почему допрос?

Лера:

— Тогда с кем хочу, с тем и езжу.

Молодцов:

— А меня значит побоку?

Лера:

— Молодцов, ты же собрание задерживаешь.

Лера резко встала и решительным шагом направилась в кабинет начальства. За ней, как пришибленный, поплелся Петя.

— Товарищи! — начал Таганцев. — У нас сегодня стоит один вопрос: о текущем моменте. Вчера мне звонил по вертушке наш референт со Старой площади и уточнял нашу аббревиатуру. Имеет ли она какое-либо отношение к ГКЧП? Я дал необходимые разъяснения, но что меня обескуражило, так это то, что он спрашивал, что видно из наших окон. Есть ли манифестации на Калининском проспекте? Наблюдается ли передвижение войск у нас? Естественно, я дал соответствующие разъяснения, но возникает вопрос: в Центральном Комитете пытаются выяснить ситуацию у нас. Раньше та-

кого не было никогда. Мы получали указания со Старой площади, и с нас спрашивали, как мы их проводим в жизнь. Очевидно, произошел какой-то сбой. Непонятно, что с руководством. Очень противоречивая информация по поводу нашего президента. То ли он болен, то ли он не совсем у власти. Как он руководит из Фороса? В общем, масса неясностей. В этих неясных условиях я призываю вас к ясности и бдительности. Именно в таких ситуациях враг не дремлет и подстерегает свои жертвы. Будьте очень осмотрительны и не поддавайтесь на провокации!

Иван Игнатъевич Самопалов встрял с вопросом.

Самопалов:

— Разъясните, пожалуйста, Альберт Матвеевич. Что значит быть осмотрительным и бдительным? Чьи провокации нам надо отбивать?

(Голос за кадром). Таганцев обрушил на него весь свой нерастраченный гнев, порожденный непониманием, а еще больше — неясностью ситуации. Он не любил вопросов, на которые не знал, как отвечать. Он не любил таких вопросов, особенно когда их задавали прилюдно. Именно такие вопросы, а главное, их авторы, по его непоколебимому мнению, подрывают авторитет и власть в целом.

— Иван Игнатъевич, — начал он укоризненно, — ГКЧП ввел чрезвычайное положение — я даже записал. — И кормчий ГКЧП достал бумажку-подсказку. Затем он стал зачитывать. — Цитирую: «В целях преодоления глубокого и всестороннего кризиса, политической, межнациональной и гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитету, территориальной целостности, свободе и независимости нашего Отечества; исходя из результатов всенародного референдума о сохранении Союза Советских Социалистических Республик; руководствуясь жизненно важными интересами народов нашей Родины, всех советских людей». Неужели непонятно? Ну, пристало ли вам, ветерану, нашему, так сказать, знамени ГКЧП, задавать такие вопросы! Бдительность — она и есть бдительность. Быть внимательным ко всему, что способно непредсказуемо спровоцировать политически вредное и неверное поведение. Надо не поддаваться! Отбиваться! Не дремать! Быть всегда начеку — это наш общий стиль поведения. Сфера прав человека — очень коварная. Но сейчас мы находимся в особенных условиях. Каждый из нас должен стать форпостом бдительности. Мы все как один должны быть решительными и сплоченными. Плечом к плечу. В одну копилку! Мы должны избежать любой двусмысленности, которую могут потом использовать против нас. Против нашего политического курса на расширение гласности.

Но не всех удовлетворило это проникновенное выступление грозного начальника. Сергей Иванович Мартынюк осмелился вновь затронуть животрепещущую тему.

Мартынюк:

— Альберт Матвеевич, я понимаю, что положение сложное и полно неопределенности. Тем не менее решусь вновь спросить. Кого мы должны опасаться в первую очередь? Понятен ваш призыв быть бдительным и не поддаваться на провокации. Но скажите, чего мы должны избегать или чего мы не должны делать?

Начальник явно начинал раздражаться. Если вначале каждый выступавший, включая руководителя, вставал, прежде чем взять слово, то теперь заглавное лицо заговорило, оставаясь сидеть. Тем самым была подчеркнута разительная дистанция между руководством и подчиненными. Народ должен знать свое место и уважать по определению начальство, поставленное им руководить.

Таганцев:

— Сергей Иванович, я вас не узнаю. Вы-то всегда подавали пример сообразительности. Что тут непонятного? Не надо создавать таких проблем, от которых у нас и у парт-

кома потом голова будет болеть. А кстати, Лера, где наш человек-огонек? Наш парторг Алексей Егорович?

Лера:

— Он задерживается. Звонил еще до собрания. Как обычно, я вам положила список отсутствующих на стол.

Таганцев:

— Так, кто у нас сегодня не с нами? (Удобный повод поставить всех на место и увести дискуссию в сторону.) Парторг Егорыч, Заграничный и Бабушкина. Почему Бабушкина? Она что, на баррикадах? Это у нее фамильное?

Лера:

— Альберт Матвеевич, она просто однофамилица знаменитого большевика, возившего из-за границы «Искру». («Нашел что возить!» — подумала про себя Лера.) Вы же знаете, это достаточно частая фамилия, — урезонивала его Грузилина. Как секретарши умеют мягко воздействовать на начальство и успокаивать их пыл. И Таганцев сменил гнев на милость:

Таганцев:

— Ну да ладно. Отсутствие необязательно нам на беду. А как у нас с планом углубления перестройки и развития гласности? Что в отношении врагов перестройки? Как мы с ними будем бороться в новых условиях? Вот над чем нам всем необходимо задуматься. Вот оно, непочатое поле работы! Какая нас ждет жизнь! В непростых условиях по-новому пойдет ускорение. Я лично верю в эту линию. Думаю, каждый должен все время сверять свои часы с часами нашего нового времени. Новые задачи, новые угрозы, новые вызовы. Вот где мы способны развернуть наш потенциал!

Неожиданно вылез Молодцов.

— Скажите все-таки, Альберт Матвеевич, надо ли нам участвовать в демонстрациях? Люди собираются у Белого дома. Противостоят танкам. Вчера неожиданно в программе «Время» был показан репортаж о Ельцине, который зачитал постановление, где осудил ГКЧП и назвал его незаконным. Западные страны осуждают ГКЧП. Что нам делать в этих условиях? Вы — наш руководитель. Мы верим в вас и готовы идти за вами.

Таганцев:

— Мне понравились ваши последние слова, Молодцов. В отличие от первых. Что вам сказать, дорогие коллеги? На сегодняшний день у нас нет никаких указаний. Зачем эта революция на нашу голову — я не знаю. Кто дал указание? В чем заключается линия партии? Старая площадь молчит. Даже, к моему удивлению, вертушки не отвечают. То, что Запад кого-то там осуждает, — это нам не указ. Нехай клеветуют! Не такое выдержали и это как-нибудь переживем.

Альберт Матвеевич решительно поддержал свое утверждение ленинским жестом, который, как утверждали подчиненные, ему всегда удавался. Но не на этот раз.

Петр Молодцов не выдержал:

— Но надо же что-то делать? Здесь, в двух шагах от нас, творится живая история нашего государства. А мы заседаем и обсуждаем непонятно что. Нас же наставляли по марксистско-ленинскому учению на политзанятиях. Три источника — три составные части марксизма-ленинизма... забыли? Английская политэкономия, французский социализм и германская философия. Сколько лет мы их учили, да, видимо, не выучили.

Его умело поставил на место Альберт Матвеевич. Что-что, а ставить на место он умел! Настоящий начальник!

— Молодцов! Во-первых, некрасиво перебивать старших по возрасту и по служебному положению.

Молодцов:

— Извините, Альберт Матвеевич.

Таганцев:

— Вот и опять перебиваешь. Извиняться будешь потом и в другом месте! (Последний тезис прозвучал угрожающе.) Перестань причитать! Идти к Белому дому или не идти! При чем здесь это? Кто там у этого Белого дома? Какие люди? Они, кстати, с пропиской или нет? Дадут указание — не пойдем, а побежим, все как один. Но это когда дадут такое указание. А так пороть самодеятельность — это я не допущу! Решительность нужна! Согласен. Решимость нужна! Тоже согласен. Но все должно быть организовано: и решительность, и решимость, и убежденность в правоте своего дела и шага.

Таганцев смягчился после своего резкого выступления.

— Вот так-то, дорогие мои товарищи! — заключил Альберт Матвеевич. Он теперь был очень доволен собой. Но коллектив не понял, что это уже завершающее крещендо, и ждал еще какого-то действия. И видя эту растерянность на лицах и чувствуя нутром начальника неопределенность в умах, руководитель подытожил: — Я кончил! Объявляю наше чрезвычайное собрание закрытым. За работу, товарищи!

Народ, помявшись, начал расходиться.

Таганцев:

— А тебя, Молодцов, я попрошу остаться.

У Пети пронеслось в голове:

«Как Штирлица, только Мюллер обращался к нему на „вы“. Не доросли мы еще до нашего кино о нацистах».

Лера задержалась тоже.

Таганцев:

— Лера, забирайте список и проследите, чтобы оправдательные документы были представлены в срок, — сказал ей Альберт Матвеевич, поглядывая на нее игривым глазом.

Петя заметил эту игривость, и ему стало совершенно мутно в кабинете начальника, которого он вдруг резко возненавидел.

Таганцев:

— Ну, что ты там чудишь? Потом сам будешь страдать, да поздно будет. Что молчишь как в рот воды набрал?

— Я не буду извиняться... не за что, — не сказал, а выстрелил Молодцов.

Выходившая Лера замерла в дверях. Она с любопытством посмотрела на Петю новыми глазами. Как смелость привлекает женщин. И начальство, но по-иному. Руководитель тоже взглянул на Петра с искренним удивлением. Он совершенно не привык к таким эскападам со стороны подчиненных.

Таганцев:

— Ты решил поразить меня своей наглостью? Удивил. Тебе это удалось. А дальше-то что?

Молодцов:

— Вчера по телевизору показывали... у Белого дома развевается триколор — российский флаг.

Таганцев:

— Ну и что с того?

Молодцов:

— Тройка — очень интересная цифра. У нас идет семьдесят четвертый год советской власти. Разделите семьдесят четыре на три, и получится двадцать четыре с хвостиком, а если сложить два и четыре, то получится шесть с хвостиком, почти семь. Понимаете семерка — это особенная цифра. Она полноценная.

Таганцев:

— Какая такая полная цифра?

Молодцов:

— Это нумерология такая, где семерка занимает особое место. При этом тройка входит в семерку. Тройка имеет большое значение. Например, антигитлеровская коалиция состояла из трех государств, как, собственно, и сама гитлеровская коалиция. Было три раздела Польши. У нас трехгранный русский штык. Была знаменитая трехлинейная винтовка.

Таганцев:

— Молодцов, что ты загадками говоришь?

— Мы живем в трехмерном пространстве. — Петя сказал это с особенным значением.

Таганцев:

— Ну и что?

Молодцов (загадочно):

— Завтра будет третий день этого противостояния. Я слышал, что патриарх Русской православной церкви пытается примирить обе стороны.

Таганцев:

— Какие стороны? О чем ты говоришь? Петр, своей властью я отпускаю тебя домой. На тебя так подействовали эти события... ты как будто перегрелся. — Голос Альберта Матвеевича заметно смягчился. — Иди домой и отдохни. Так будет лучше для тебя и для всех... для нас.

Петя вышел из кабинета начальства, но задержался у стола Леры в предбаннике. Она явно все слышала и с интересом посмотрела на него. Он уловил это любопытство в ее глазах и, осмелев, начал развивать далее свою теорию.

Молодцов:

— Цифра «три» заморозила эту революцию. Как не заморозить? Что за цифра! Ай да цифра!

Лера:

— Ну да, Петь, у вилки три зубца, и я безумно рада, когда удастся достать индийский чай «Три слона». Тебе самому не смешно дурачиться? Я слышала, что ты нес Альберту Матвеевичу. Хочешь, я тебе скажу, что он подумал о тебе?

Молодцов:

— Не хочу.

Лера:

— У тебя крыша поехала, дружок.

Молодцов:

— Значит, я тебе дружок.

Лера:

— Конечно, дружок.

Молодцов:

— А я претендовал на большее.

Лера:

— И претендуй, если хочешь. Разве я тебе что-то обещала? Любовный треугольник? Тоже цифра три, не так ли?

Молодцов:

— Но ты же говорила, что можешь разойтись с мужем, — с отчаянием выдавил из себя Петр. Он уже позабыл о своей теории.

Лера:

— А я и не отказываюсь от своих слов. Могу разойтись, но когда — не знаю. Слушай, не мучай ни себя, ни меня. Лучше иди домой и отдыхай.

— И пойду. Только не домой! — с угрозой бросил Петя.

Лера:

— Петя, не дури. Не надо тебе туда ходить. Ну кто знает, чем это все кончится?

Молодцов:

— А тебе-то что за дело до меня?

Лера:

— Но ты все-таки наш коллега. Нам будет не хватать тебя, — довольно игриво начала Лера...

Молодцов:

— Перестань со мной играть. Я все понял.

Лера:

— Ты что, претензии мне хочешь предъявить?

Молодцов:

— Я знаю... у меня на это нет никаких прав. Знаю, — и уже уходя, швырнул: — Стерва!

Лера:

— Ну вот, оскорбления.

Хотя это было сказано таким смущенным голосом, что вовсе не звучало как оскорбление. И Лера почувствовала себя не столько обиженной, сколько виноватой.

Молодцов пошел на выход из комитета и столкнулся с Мартынюком у известного зеркала.

Мартынюк:

— Петя, ты куда намылился? Опять за бутылкой?

Молодцов:

— Да нет, Сергей. Я пойду к Белому дому.

Мартынюк:

— Да что вы все с ума посходили?

Молодцов:

— Сережа, вчера я сам видел, как ты Жору повез на баррикады. Не надо из меня Муму делать.

Мартынюк:

— Подожди. Давай покурим и спокойно поговорим. — Мартынюк угостил его сигаретой, и они закурили. — На баррикады всегда успеем. Что раскис?

Молодцов:

— Серега, я сегодня два часа думал о смысле жизни.

Мартынюк:

— И что? Каков результат?

Молодцов:

— Устал думать и бросил. Может, навсегда. Тебе меня не понять. Жизнь прошла, — заключил Молодцов.

Чтобы отвлечь его от тягостных мыслей, Мартынюк переменял тему.

— Петя, я слышал, что у тебя какие-то теории про числа. В чем идея?

Новый вопрос как будто оживил Молодцова.

Молодцов:

— Идея заключается в особенности цифры три.

Мартынюк:

— То есть?

Молодцов:

— Посмотри, как эта цифра проходит сквозной нитью через важнейшие события человеческой истории. Три волхва пришли с дарами приветствовать рождение Иисуса Христа. Потом Пресвятая Троица. Трижды отрекся от Иисуса апостол Петр. В сре-

ду, на третий день недели Иуда предал Иисуса. Через три дня распяли Иисуса, и на третий же день Он воскрес. Затем возьми триптих. Москва — Третий Рим. Храм Трех Святителей на Куличках.

Мартынюк:

— Ты не свихнулся, часом? Тройка — посредственная оценка. Так что не надо меня уговаривать, что тройка — это хорошая цифра.

Молодцов:

— Сергей, я не говорю, что она хорошая или плохая. Это ни то и ни другое. Мы говорим с тобой на разных языках. Я тебе о другом талдычу. Возьми для примера русский фольклор.

Мартынюк:

— Ну, возьмем. Только для примера.

Молодцов:

— Вот именно, для примера. Сколько у нас героев в сказках? Обычно — три.

Мартынюк:

— Ага. А еще у нас пьют «Тройной» одеколон. «Тройной» — это тоже тройка. А как его пьют! Должен заметить, не хватит никаких эпитетов, даже слов из трех букв, чтобы описать этот необычный процесс. Найдутся адепты, которые докажут, что это не напиток, а целая поэма!

Молодцов:

— Подожди. В сказках: три сына,

Мартынюк:

— Лучше вспомни про трех поросят?

Молодцов:

— Хотя бы и поросят. Кроме того, три богатыря, три пути у богатыря, чтобы пойти за тридевять земель, за три моря, в тридесятое царство. Затем золотая рыбка, джинн, наконец, непременно хотят исполнить именно три желания. Писатели любят эту цифру. Три сестры, Три мушкетера, Три товарища, Трое в лодке...

Мартынюк:

— Не считая собаки.

Молодцов:

— Три толстяка Юрия Олеши, в «Пиковой даме» А. С. Пушкина и в опере П. И. Чайковского три карты: тройка, семерка, туз, в кино — три танкиста, три веселых друга.

Мартынюк (пропел):

— Экипаж машины боевой...

Молодцов (не обращая внимания на шутку):

— Наконец, на Востоке изображают трех мудрых обезьян. В спорте даются три попытки и есть к тому же тройной прыжок.

Мартынюк:

— Петруша, я тебе еще подкину примеров. Мы надеваем на голову треух. Заметь, опять тройка. Но от этого мы не становимся подобными трем мудрым обезьянам. Вдобавок иной раз приходится лечить тройничный нерв. Опять тройка, но эта тройка не доставляет нам радости. И мы любим трехразовое питание. А еще в «Трех мушкетерах» на самом деле четыре героя. А когда Н. В. Гоголь вопрошал: Русь-тройка, куда летишь? Он вовсе не имел в виду, что Русь троится. А еще хочу добавить, что три точки — это многоточие. Петь, брось ты это. Ерунда.

Молодцов (таинственно):

— Сергей, а я тебе скажу по секрету. Завтра кончится эра социализма в нашей стране.

Мартынюк:

— Ну, хоть Советский Союз останется?

Молодцов:

— Может, останется, но вряд ли.

Мартынюк:

— Ты меня озадачил, наш загадочный звездочет.

Молодцов:

— Я не звездочет, но интересуюсь оккультизмом и астрологией. Ты знаешь, что есть предсказания о крушении этого строя?

Мартынюк:

— Ты меня пугаешь. Но страна-то, народ останутся?

Молодцов:

— Я не пугаю. Я даю тебе реальный прогноз. Страна останется, но жить все будут по-иному.

Мартынюк (недоуменно):

— А куда денется компартия? Дядя Миша Горбачев? Дедушка Ленин, мавзолей? У нас уже однажды Сталина втихаря вытащили из мавзолея. А теперь как? Средь бела дня, пред всем честным народом? Мы так не привыкли.

Молодцов:

— Думаю, партии придется отойти в сторону.

Мартынюк:

— Есть немало людей, которые верят в коммунизм. У меня вон сестра жены считает, что мы всем обязаны не родителям, а партии. Такое вот вечное огромное спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство! Она нашему сыну все время доказывает, что на наших дорогах из-за демократов гибнет больше людей, чем за всю историю ГУЛАГа. Ну, скажи, что с ней делать? Не кусать же ее за это?

Молодцов:

— А как сын воспринимает?

Мартынюк:

— А никак. Он же маленький еще. Правда, моя Ирка утверждает, что дети слышат все и, кроме того, в первую очередь слышат то, что не надо им слышать.

Молодцов (задумчиво):

— Интересно. Все повторяется. Как после 1917 года, брат на брата идет.

Мартынюк:

— Ну, столкновений нет, слава богу. Это скорее нескончаемые диспуты, как нескончаемый поток людей раньше был к мавзолею Ленина. Подчас на повышенных тонах. Недавно Славка спрашивает: папа, тетя Катя говорит, что мы выиграла Великую Отечественную войну благодаря Сталину. Это правда?

Молодцов:

— А ты?

Мартынюк:

— А я говорю: войну выиграл весь советский народ

Молодцов:

— А сын?

Мартынюк:

— Разочарован. Дети любят, чтобы ответ стрелял, хрустел, как свежий огурец. Вот так рушатся авторитеты, и возникает проблема отцов и детей. Петь, а чего ты такой грустный? Это тебя так революция расстроила? А-а, на Леру запал? Ты для нее еще слишком зеленый. Это у тебя телообалдение. Не журишь. Найдешь себе другую, честную. Вон Ленка из машбюро на тебя глазом косит. Настоящая дальневосточная девушка. Все стати при ней. Не теряй времени даром. Лови ее влет.

Молодцов:

— Мне кажется, она с Базыкиным гуляет.

Мартынюк:

— Ленка? Вряд ли!

Молодцов:

— При чем тут Ленка? Ну, при чем здесь она? — с жаром воскликнул Молодцов.

Мартынюк:

— А как же? Я о ней и говорю.

Молодцов:

— А я о ней не говорю. Я о Лере. Понятно? А то у нас разговор сумасшедших: каждый говорит о своем.

Мартынюк:

— Старик, зачем так волноваться? Не кричи. Хорошо. Будем говорить о Лере. Могу высказать тебе свое объективное мнение со всей большевистской прямоотой. Она не гуляет, а устанавливает отношения.

Молодцов:

— Я тоже хочу устанавливать.

Мартынюк:

— Устанавливай, но не забывай: это двустороннее движение. У меня есть подозрение...

— Какое подозрение? — напрягся Молодцов.

Мартынюк:

— А очень-очень-очень...

Молодцов:

— Ну, что очень? Разродишься ты наконец, убивец?

Мартынюк:

— Очень незамысловатое подозрение. Вот оно: без ее явно выраженного на то согласия установление каких-либо отношений представляется проблематичным.

Молодцов:

— Ну и сказал! Ты своей жене тоже так в любви признавался?

Мартынюк (примиряюще):

— Не бери ты в голову.

Молодцов:

— А я и не беру. Подамся я лучше к Белому дому.

Мартынюк:

— К Белому дому ходить — себе вредить. Еще успеешь. А знаешь что? Мне прислали канистру классного молдавского вина, и Ирка готовит отличный ужин. Погнали ко мне.

Молодцов:

— Нет, лучше к Белому дому.

Мартынюк:

— Дался тебя этот Белый дом.

Молодцов:

— Там жизнь понятнее.

Мартынюк:

— Дом, в котором я живу, тоже белый, и жизнь там еще понятнее.

Нехотя Петя согласился, и они пошли на выход. Навстречу неожиданно вынырнул Алексей Егорович Смяткин, человек-огонек. Вечно спешащий партийный вожак крикнул весело, поднимаясь по лестнице.

Смяткин:

— Ну что, молодежь? Где мои семнадцать лет? На Большой Каретной, у Белого дома? (Он не мог обойтись без прибауток, считая себя большим балагуром, близким кол-

лективу.) Спешим? А поработать? Мне в мои пятьдесят еще чертовски хочется поработать. Равняйся на меня!

Он проследовал прямо к начальству. Но задержался вначале в предбаннике и учинил допрос Лере.

Смяткин:

— Промеж тебя парни дерутся. Ты тут голубятню у нас не разводи. А то можно и разорить эту голубятню.

Лера:

— Уж не вы ли будете ее разорять?

Смяткин:

— Не задирайся, Лерка, а то я тебе юбку задеру и надеру.

Лера как будто специально потянулась достать бумаги из шкафа, выгодно обозначив свою стройную фигуру.

Смяткин:

— Лерка, не дразни меня, а то налечу, и сожжем мосты.

Лера:

— Чувствую я, что никто мосты сжигать с нашим партийным знаменем не собирается. Одна только я этой чести удостоена.

Смяткин:

— Правильно говоришь: чести. Вот и будь достойна этой высокой чести. Неси ее по жизни гордо.

Лера:

— А я не достойная.

Смяткин:

— Не дразни меня, Лера. Ладно, я к шефу. Как он там?

Лера:

— В непростой ситуации непросто.

Смяткин:

— Вот и я говорю: непросто, а ты тут что разводишь? Мужиков стравливаешь. Найду я на тебя управу! — угрожающе сказал он.

Лера (после паузы настороженно):

— Да, мало нынче в вас поэзии. Проще женщин угрозами брать. Посильнее Фауста будет.

Не зная, что ответить на какого-то там Фауста и от того недовольный, Егорыч потребовал список отсутствующих.

Смяткин:

— Дай-ка мне список, кого нет сегодня.

Лера нехотя передала ему список, и парторг проследовал в кабинет начальника.

Альберт Матвеевич курил в полумраке кабинета под убаюкивающую музыку телевизора. На столе были разложены бумаги, к которым он и не притрагивался. В глазах его читался огромный вопрос: за что?

Таганцев:

— Человек-огонек! Что слышно? Мы брошены. Никаких тебе указаний.

Смяткин:

— Подожди отчаиваться, Альберт. Еще не вечер.

Таганцев:

— Когда вечер настанет — будет уже поздно. Если звонят из самого ЦК КПСС и там не видно, что у нас происходит, то жди бури. Потому что так не бывает. Так не бывает никогда! Власть сама все знает и дает указания, а не спрашивает: а из вашего окна площадь Красная видна? Как там у Пушкина? Буря мглою всех покроет...

Смяткин:

— Буря грянет и без Пушкина. Оставь Пушкина. Оставь все и возьми себя в руки. Надо народ поддержать, а то люди уже с работы уходят, когда хотят. Некоторых швыряет даже к Белому дому, — сказал партийный вожак, размахивая перед собой бумагой, будто обличая ею преступный диссидентский элемент.

Таганцев:

— Ну и что? Мы-то что можем сделать? Кричать: не ходите? А то они нас послушают, как же! На собрании тебя не было, так мне одному пришлось отдуваться. Задолбали идиотскими вопросами. Идти нам в революцию к Белому дому или не идти? А я почто знаю? Тут вообще не поймешь, что к чему. Где Горбачев? Кто приглядывает за городом, а? Кто на дозоре?

Смяткин:

— Я ездил в ЦК, но не дошел. Весь Центральный Комитет Коммунистической партии всего Советского Союза как вымер. Жуткое зрелище: бумаги какие-то по улице летают. Ни людей, ни охраны, ни милиции. Представляешь: никого! Раньше там всегда народ торопился, курьеры сновали, машины летали (показывает руками) туда-сюда, туда-сюда. Все гудело, а сейчас никого и тишина, как в могиле. Вот она, революция!

Таганцев:

— Как бы мы не вымерли, как динозавры? Жизнь изменится. Это точно!

Смяткин:

— А если это революция, то с нас спросят. Спросят: а что вы делали во время августовских событий 1991 года? Сообщите поподробней. По часам и минутам.

Таганцев:

— Егорыч, это зависит от того, кто спросит.

Смяткин:

— Альберт, надо думать. Если революция победит, то нужны революционеры.

Таганцев:

— А где я возьму вам революционеров, если не было разнарядки? Нет, подожди. Но не может так просто испариться нынешняя власть! Так не бывает.

Смяткин:

— Альберт, вот так революции и происходят. А если все-таки не победит, тогда спросят.

Таганцев:

— Ой, Егорыч, строго спросят.

Смяткин:

— По моим сведениям, Заграничный, Базыкин и Молодцов отправились на баррикады к Белому дому. Знаешь, надо бы дать им по выговору за отсутствие на рабочем месте.

Таганцев:

— Да кто сейчас на рабочем месте?

Смяткин:

— Это неважно, кто есть, а кто нет. Важно другое — если и когда тебя спросят: вы знали, что эти налетчики были у Белого дома и произносили антиправительственные речи? Ты ответишь, что их не было на рабочем месте без оправдательных документов, за что они были примерно наказаны. И предъявишь уже свой оправдательный документ — выговор. Это твоя индульгенция. Ты это понимаешь или нет?

Таганцев:

— Егорыч, а если вопреки всему победит революция? Как сказал Блок-поэт: когда и невозможное возможно. Что, если возможно?

Смяткин:

— Да, Альберт, и такой вариант возможен. Что тогда? Надо подумать и что-то придумать. Крепко надо подумать мне как парторгу... Осенило, осенило. Вот оно, настоящее прозрение. Ты тогда порвешь этот приказ с выговорами. Зови Леру и диктуй ей приказ, чтобы она напечатала его в одном экземпляре. Нет, знаешь, так. Ты ей надиктуй, а я пойду покараулю ее, чтобы она не сделала копии и не зарегистрировала его пока. Зарегистрировать задним числом всегда легче. Сегодня ничего не регистрировал?

Таганцев:

— Надо Леру спросить.

Смяткин (довольный своим прозрением):

— Вот и не регистрируй. От тебя сейчас не ждут никаких регистраций. Время само себя уже зарегистрировало.

Начальник нажал кнопку вызова, и тут же появилась Лера.

Таганцев:

— Егорыч, посмотри, как расцветает наша молодежь. Даже беспорядки не влияют на ее исполнительность. Вот на кого надо равняться в минуты роковые, а? — За деланной веселостью он попытался скрыть тревогу, но это удалось ему с трудом.

Таганцев, обращаясь к секретарше:

— Лера, надо подготовить приказ о выговоре Заграничному, Базыкину и Молодцову за отсутствие на рабочем месте по уважительной причине. Ой, что я говорю? (Сам себя поправляет с деланой улыбкой.) По неуважительной причине. Сделай его пока в одном экземпляре, а Алексей Егорович проконтролирует и поможет тебе, если будут какие вопросы. Приступайте, товарищи.

Лера (ледяным тоном):

— Альберт Матвеевич, а Базыкин на рабочем месте. Да и Молодцова я только что видела.

Таганцев:

— Вы уверены?

Лера:

— Более чем, Альберт Матвеевич.

Таганцев:

— А кто же это ушел?

Лера:

— Никто не ушел. Все на рабочем месте, — выдала Лера казенным тоном.

Таганцев:

— Лера, вы свободны.

Когда она вышла, хозяин кабинета набросился на Смяткина.

— Егорыч, ты чего непроверенную информацию подсовываешь? Что ты воду мутишь? Не надо никаких выговоров. Мне сердце подсказывает, что лучше переждать весь этот сумбур.

Смяткин:

— Молодцова я видел только что на лестнице с Мартынюком. Впечатление такое, что они куда-то намылились.

Таганцев:

— Егорыч, у нас достаточно впечатлений. Мало ли куда можно намылиться? Мы в молодые годы не бегали за девками или за бутылкой?

Смяткин:

— Ладно, Альберт, я тебя предупреждал для твоего же блага. Это была бы твоя индульгенция.

Таганцев:

— Что ты меня все индугируешь? Индугенция. Других слов не знаешь, что ли? Внезапно вернулась секретарша.

Лера:

— Альберт Матвеевич, вам звонят.

Таганцев:

— Кто?

Лера:

— Какой-то корреспондент.

Таганцев:

— Какой еще корреспондент? Я тебе уже дал указание: гони их всех в шею. Нет меня ни для кого. Опух на рабочем месте. Редкая болезнь — запой. Можешь лепить все что угодно, только не соединяй!

Лера (хладнокровно, без какой-либо реакции на запал начальника):

— Иностраный.

Таганцев (испуганно):

— Кто?

Лера:

— Я же говорю: иностранный журналист.

Таганцев:

— Ты что, с ума сошла? На кой ляд мне этот корреспондент. Сейчас не то время, чтобы интервью иностранцам давать.

Смяткин:

— Подожди, Альберт. А вдруг потом начнут склонять, что отказался от интервью.

Руководитель был в растерянности, и в конце концов слова парторга возымели на него свое действие.

Таганцев:

— Хорошо. Соединяй, Лера. Как его кличут?

Лера:

— Брайен Клинекс.

Лера пошла в свой предбанник переключать телефон.

Таганцев:

— Ну, и имечко. Клинекс! Втравили вы меня черт знает во что. Але. (Уже сладким голосом.) Здравствуйте, господин Брайен Клинекс. А вы хотели бы уточнить, что происходит сейчас? — Он включил телефон на громкий режим так, чтобы Смяткин мог слышать. — Я могу вам сообщить, что обстановка контролируется. Никакой паники нет. Права человека вовсе не поражены, а лишь приостановлено их осуществление (мнется, подыскивая слова)... в определенной части.

Клинекс (журналист с сильным американским акцентом):

— Не могли бы вы уточнить, где конкретно?

Таганцев:

— Где? Ну, в Москве. О других частях не могу судить. Когда обстановка стабилизируется, то все восстановится, как и прежде.

Клинекс задал вопрос, но было плохо слышно и непонятно, спрашивал он о ГКЧП или ГКПЧ:

— А почему у вас название ГКЧП? Означает ли это, что у вас чрезвычайное положение надолго и вам нужен специальный орган для этого?

Таганцев:

— Нет. Наш орган существует для защиты прав человека в качестве общественной организации, призванной взаимодействовать с государственными органами в интере-

сах народа. Несомненно, характер защиты законных прав и интересов советских граждан совершенно отличен от механизмов защиты прав человека в западных странах. Нет никакого смысла проводить параллели и сравнения.

Клинекс:

— А как ваш комитет защищает права человека, если он же отвечает и за чрезвычайное положение?

Таганцев:

— Вы не поняли нас. Мы не отвечаем за чрезвычайное положение. Мы и за права человека не отвечаем. Наша задача — содействовать защите прав человека в качестве общественной организации.

Клинекс:

— Подождите, но вы же ГКЧП.

Таганцев:

— Вы меня, очевидно, не поняли. Мы ГКПЧ, а не ГКЧП. Эта путаница нас самих убивает.

Клинекс:

— Вас убивают?

Таганцев:

— Это я в фигуральном смысле. Никого не убивают. Я говорю: похоже. Вы не первый, кто спрашивает нас об этом.

Клинекс:

— А кто еще спрашивал?

Таганцев:

— Мы не ведем статистики запросов. Это не входит в нашу компетенцию. Мы уполномочены давать только заключения.

Клинекс:

— Заключение? Кто в заключении? Есть арестованные? Можете ли вы сообщить их имена? — возбужденно, почти радостно спросил корреспондент.

Смяткин энергично стал размахивать руками, давая понять, что пора прекращать разговор.

Таганцев:

— Вы не поняли. Я хотел сказать, что мы подготавливаем юридические заключения, консультируем, так сказать...

Клинекс:

— А с правовой точки зрения как вы можете оценить происходящие в Москве события?

Смяткин опять замахал руками. При этом он смахнул два хрустальных стакана, которые с шумом разбились. На шум вбежала Лера. Смяткин опять умоляюще замахал руками.

Клинекс:

— Что у вас за шум? Это стрельба? В вас стреляют?

Таганцев:

— Никто ни в кого не стреляет. Вам показалось. Это стаканы разбились...

Клинекс:

— Вас били?

Таганцев:

— Да нет же, — говорит тихо в сторону парторга: — Какая нелегкая его принесла? Дурдом какой-то!

Журналист опять переспросил:

— Что у вас происходит?

Таганцев:

— Ничего не происходит.

Клинекс:

— А зачем танки по улицам Москвы ездят?

Таганцев:

— У нас такая традиция... может, к параду готовятся. Я не знаю.

Клинекс:

— Как вы можете все это охарактеризовать?

Таганцев:

— Я не уполномочен давать квалификацию происходящим действиям. Лучше, если вы обратитесь в государственные органы.

Клинекс:

— А какие органы вы имеете в виду?

Таганцев:

— Государственные органы, на то уполномоченные.

Клинекс:

— На что уполномоченные?

Таганцев:

— На то самое и уполномоченные. Мне трудно сейчас говорить. Обратитесь в соответствующие компетентные органы для разъяснений. Наш ГКПЧ таковым органом не является. Благодарю вас за ваши вопросы. До свидания, господин Клинекс.

Таганцев швырнул трубку и заорал стоявшей в дверях Лере:

— Какого рожна вы мне его притащили? Этот иностранный шпион вконец доконал меня.

Затем уже спокойнее:

— Лера, не могли бы вы помочь прибраться здесь. А то у нас тайфун прошел по стаканам.

Лера:

— Хорошо, Альберт Матвеевич.

Таганцев:

— И ради бога, не соединяйте меня ни с кем. Нет меня. Когда буду — не знаете.

Понятно?

Лера:

— Понятно, Альберт Матвеевич.

Она ушла и вернулась с совком и веником, затем прибралась и вышла.

Таганцев:

— Вот нелегкая принесла этого иностранца, Егорыч.

Смяткин:

— А что ты с ним рассусоливал? Надо было быстрее сворачивать беседу.

Таганцев:

— Как же, свернешь с ними! Кто втянул меня в разговор с этим дознавателем-репортером?

Смяткин:

— Я думал...

Таганцев:

— Он думал! Поменьше надо думать. Тогда жизнь станет счастливой. Просто пытка какая-то. Ладно. Не напоминай мне об этом.

Смяткин:

— Хорошо, не буду.

Таганцев:

— А ты знаешь, какой оригинал этот Молодцов? — переменял начальник тему. — Молодой, а прямо эксцентрик. Про цифры чего-то значительно вещает. Может, пьет много?

Смяткин:

— Да нет. В пьянстве особенно замечен не был.

Таганцев:

— Много говорит и мало пьет? Странно. Разве так бывает? Может, недоедает? Надо бы спросить, сколько и чего он ест. А может, ему голоса являются, а чего требуют — непонятно?

Смяткин:

— То есть шизофреник? Да нет, не похоже. Скорее, к Лере пытается примкнуть.

Таганцев:

— А она?

Смяткин:

— Кто их разберет, женщин? Сегодня одно настроение — завтра другое.

Таганцев (мечтательно):

— Да, женщина — это сплошная загадка. И жизнь есть большая тайна, а человек — это странник, плывущий по женскому морю.

Смяткин (с тревогой):

— Альберт, ты что? Очнись! Странник! Народ ждет твоих указаний. Пора швартоваться. Пора, мой друг, пора!

Таганцев:

— Народ, Егорыч, пошел какой-то непонятный, с мыслями. Это удручает.

Смяткин:

— Альберт, может, в нем образование заговорило?

Таганцев:

— В ком?

Смяткин:

— В Молодцове этом.

Таганцев:

— Вот-вот. Образование заговорило, а воспитание умолкло. Егорыч, жизнь теряет всякий интерес.

Смяткин:

— А может, напротив — приобретает новый.

Таганцев:

— Егорыч, доставай наш неприкосновенный запас. Кто знает, сколько этот НЗ еще простоит?

Смяткин:

— Я знаю.

Таганцев:

— Откуда ты знаешь?

Смяткин:

— Я парторг. Мне по статусу положено. Сейчас он не устоит против нас. Где еще стаканы? Ладно, я сам у Леры возьму.

Когда парторг появился в предбаннике, Лера зло гаркнула ему:

— Что они вам покоя не дают? Счеты с молодыми сводите?

Смяткин:

— Не ерпенься, зазноба моя. Ты мало что понимаешь. Делай, что велено, и не рассуждай.

Лера:

— Не ваша и не зазноба. Что еще нужно?

Смяткин:

— Стаканчики.

Лера:

— Вот на второй полке в шкафу. Берите и оставьте меня в покое.

Смяткин:

— Тебе даже злость к лицу. Так и хочется тебя разозлить.

Лера:

— Лучше не надо.

Смяткин:

— А то что?

Лера:

— Укушу, и в вампира превратитесь.

Чтобы скрыть свою досаду, Смяткин делано рассмеялся, взял стаканы и вернулся в кабинет начальства. Заученным движением он быстро разбросал коньяк по стаканам.

— Ты что? Ты что? — запричитал начальник. — По граммулечке, а то ты меня так в нокаут пошлешь. На второй минуте матча.

Смяткин:

— А чего ждать-то? Давай, Альберт, вздрогнем.

И они вздрогнули. Альберт Матвеевич развивал свою тревожную мысль.

Таганцев:

— Начальство знает жизнь и людей и лучше понимает человеческие нужды. Руководство объявит о переменах — начнем их реализацию. Разве лучше разводить анархию? Ну что эти молокососы учудили? Драпанули к Белому дому. Кому от этого станет лучше? Никому. Ты прав — только с нас спросят и еще рикошетом по башке нам врежут за их дурацкий поступок. Одно слово — молодежь. Ни хрена не соображают, как себя вести так, чтобы никуда и никогда не попадать!

Парторг опять поддержал его: он разлил, и они теперь уже выпили обстоятельно, неспешно.

Смяткин:

— Альберт, коньяк хорош. Настоящий.

Таганцев:

— Еще бы! Ереванского разлива! Коллеги подарили при обмене опытом.

Смяткин:

— Вот видишь. Люди нуждаются в нас. Им крайне необходим наш опыт. Значит, нас еще любят. Жизнь продолжается.

Они еще выпили, но говорить более не хотелось. Сумрачное настроение навалилось на ветеранов от бюрократии. Альберт Матвеевич вызвал машину.

Таганцев:

— Тебя подвезти?

Смяткин:

— Не откажусь.

И начальник, сплоченный с парторгом, устремился на выход, демонстрируя единение власть предержащих с партией. Ничто не могло поколебать их принципиальной убежденности.

А в это самое время Лера поджидала Диму за квартал от места работы, как они условились.

— Ну, куда едем? — спросил Дима.

Лера:

— Базыкин, ну что тут велосипед изобретать. Ко мне, конечно. Ты же не хочешь на баррикады.

Базыкин:

— Ты на Марсельезу слабо походишь. Надо грудь обнажить.

Лера:

— Что, прямо здесь? В милицию заберут.

Базыкин:

— У нас теперь революция, поэтому можно обнажать все, что пожелаешь: хочешь грудь, а хочешь — саблю. Во время революций всегда традиции отменяются, а нравы падают.

Лера:

— Это ты на что намекаешь? На то, что я падшая женщина?

Базыкин:

— Нет, ты же на меня упала. Значит, не падшая, споткнулась. Вы, женщины, любите спотыкаться. Об нас, мужчин.

Лера:

— Это не мы спотыкаемся, а вы нас приманиваете. Мы без вас спокойно живем. Это от вас один сумбур и беспокойство, хоть и приятное. Ладно, не это интересно. Ты знаешь, что наш портвейнгеноссе отчудил? Он предложил Альберту вкатить вам выговор за отсутствие на рабочем месте без уважительной причины. Заграничному, Молодцову и тебе.

Базыкин:

— Да ты что? Белены, что ли, они объелись? Зачем им это надо?

Лера:

— А ты сам не понимаешь? Те, кто у Белого дома, не должны бросать тень на офис.

Базыкин:

— Да, но ни я, ни Молодцов не у Белого дома. Заграничный действительно пошел на баррикады. По крайней мере, обещал. А мы-то при чем здесь?

Лера:

— Дурачина ты все-таки. Егорычу, очевидно, доложили таким образом. Потом Петя грозил отправиться туда.

Базыкин:

— Но я-то ничего и никому не обещал. Не понимаю...

Лера:

— Не догадываешься?

Базыкин:

— Он и к тебе подползает?

Лера:

— Ну, пристаёт из надобности, как многие.

Базыкин:

— И чем же кончилось дело?

Лера:

— Да ничем. Когда меня шеф вызвал, я ему сообщила, что вы на рабочем месте.

Базыкин:

— То есть намекаешь, что я тебе обязан.

Лера:

— Ничем ты мне не обязан.

Лера нахмурилась от обиды и непонимания.

Базыкин:

— Нет, почему же? Ты такая жертвенная... к тому же в большом спросе у мужского населения нашего комитета, особенно начальствующей его части...

В этот момент они подъехали, и Дмитрий остановил машину. Лера стремительно выскочила из машины, хлопнула дверью и заспешила, не оглядываясь к подъезду. Дима вылез из машины и закричал ей:

— Лера, не будь ребенком!

Эти слова остановили ее в дверях подъезда. Она повернулась к нему и железно отчеканила:

— Вот именно. Я уже давно не ребенок. У тебя есть ручка при себе?

Базыкин:

— Да, а что?

Лера:

— Возьми ее и вычеркни мой телефон. Отдыхай!

Лера круто повернулась и влетела в подъезд. Дверь захлопнулась. Дима не знал куда подъезда и стоял раздраженный, не зная, что предпринять. Закурил, надеясь, что как-то само все выправится. Но и после второй сигареты ничего не выправилось. Неудачливый Ромео не знал, что Лера наблюдает за ним из-за занавески. Неожиданно из-за угла выплыла известная соседка. Но в его планы совершенно не входила эта незваная встреча. Прежде чем соседка увидела его, Дима вскочил в машину и быстро уехал. Лера не могла видеть соседки, и для нее его отъезд показался нарочито стремительным и потому в самом худшем смысле — демонстративным.

— Ну и ладно. Пусть так и будет. Служебных романов нам еще недоставало! — сказала она сама себе вслух.

Однако завернув за угол, Дима остановился. Вторая сигарета не помогла размышлениям. Ему хотелось вернуться, но самолюбие удерживало его.

«Что я, маленький, прыгать под ее дверью?» — подумал он.

Наконец он решил, вышел из машины и запер ее, предварительно сняв дворники и боковое зеркало, дабы их не сняли другие. Дмитрий отправился к Белому дому пешком, благо до него теперь было рукой подать.

В это же самое время Мартынюк уже сидел дома с Молодцовым, а Ирина хлопотала на кухне, откуда доносились аппетитные запахи. Пока подходил ужин, Сергей Иванович подходил к привозному вину. С вином всегда удобнее говорить, а главное — удержаться в рамках. А то вдруг Молодцов опять свою теорию чисел начнет излагать? Того и гляди, Ирина запишет их обоих в сумасшедшие. Да и незрелый Славка может осквернить свой мозг несвоевременными мыслями. Мысли должны приходиться во время, по ранжиру. А главное — по мере возникновения надобности. А надобность в данный момент была выпить, а потом уже закусить. Приятное прохладное вино постепенно настроило на лирический лад. Петя стал жаловаться на несправедливость жизни и туманность любовных перипетий.

Молодцов:

— Сергей, вчерашние мысли кажутся уже вчерашними, а сегодняшние — завтрашними. От чего это? Почему ничто не помогает? Я ее люблю, а она меня нет! Оригинально и дико как-то. Если она любит другого, то я зарежу...

Мартынюк напрягся от этих слов. Выпитое натошак начинало действовать на Петю, но не успокоительно, как ожидал Мартынюк.

Мартынюк перебил его:

— Неужели зарежешь!

Молодцов:

— Да, зарежу. Зарежу свою мечту о ней. Вот как гибнет настоящее и герой, который еще не состоялся. А мог бы!

Мартынюк:

— Герои часто бывают занудами.

Молодцов:

— Все выяснилось. Она любит другого! И даже живет. С ним.

Петя как будто рубил фразы. Сплеча.

Молодцов:

— Как она могла? Когда я люблю ее.

Мартынюк:

— Но она об этом не догадывается.

Молодцов:

— Допустим, но она могла бы догадаться. Рядом с ней живет такая неземная любовь.

Уверен. Ей таких слов никогда не говорили. Как только она услышит такие слова, то все.

И Молодцов надолго замолчал. В глазах его была мировая скорбь. Хозяин дома не выдержал и прервал паузу.

Мартынюк:

— Петя, что, все?

Молодцов:

— Все. Она пожалеет.

Мартынюк:

— О чем она пожалеет?

Молодцов:

— О том, что очень сильно...

Он опять замолчал, как бы обдумывая свою важную мысль.

Мартынюк:

— Что сильно, Петя?

Молодцов:

— Сильно не разглядела меня. Вместе с моей любовью. Она еще будет проситься...

Мартынюк:

— Куда?

Молодцов:

— Не куда, а кем. Она будет проситься стать моей музой.

Появилась Ира.

Ира:

— Подождите выпивать. Надо поесть. О, Петя уже поплыл. Давайте за стол.

Они пошли на кухню. Петя вялой походкой проследовал за Ирой.

— Вот она, любезная нашему сердцу кухня, где всегда ведутся неблагонадежные разговоры, — с пафосом задекламовал Петя. — Надо было спецслужбам ставить прослушки во всех кухнях, тогда бы не проспали революцию. Не осведомлены о настроениях.

Мартынюк:

— Ошибаешься, Петя, осведомлены.

Молодцов:

— А что же не действуют?

Мартынюк:

— Видно, устали действовать. Я слышал, войска переходят на сторону Ельцина.

Молодцов:

— Старик, да это же самая настоящая революция. Ну, прямо, как нас учили по истории. Раньше было долой самодержавие, а теперь долой КПСС и шестую статью Конституции СССР о руководящей роли партии.

От возбуждения Петя захлебывался словами.

Молодцов:

— Я пойду с народом (он терял слова на ходу и находил их на авось)... за новую власть. Надо управлять процессом. Да здравствует (замолчал, а после паузы вдруг встретился)... Кстати, ужин роскошный. Он вдохновляет меня на победу. Я иду на баррикады, Серега.

— Может, завтра на баррикады? — робко вставила слово Ира. — Успеешь, еще навоюешься.

Молодцов:

— Нет, сейчас. Нужно жить по Достоевскому.

— Ты что имеешь в виду? — спросила Ира.

Молодцов:

— Достоевский говорил: духовная потребность русского человека пострадать. Я русский человек.

Мартынюк:

— Петя, страдай лучше с нами. Нам от этого станет лучше.

Молодцов:

— Нет, я должен что-то сделать для будущей России. Напишу воззвание.

Мартынюк оживился:

— Да, напиши, прямо сейчас.

Молодцов:

— Нет, буква мертвит. Жизнь на баррикадах — вот это возвышенно.

— Успеешь. Реши, с чего начать, — стала разубеждать его Ира.

Молодцов:

— Начинать надо с газеты, с воззваний, как завещал Ленин, которого мы считали великим.

Мартынюк:

— Вот и начни, Петя. У тебя же хороший слог.

Молодцов:

— С чего бы такого начать? Посильнее надо врезать. Мало в нас поэзии. Не созрели еще. Как скажут матерное слово, все сразу оборачиваются. Вот так бы поэтическое слово будоражило. Так нет же! Слова гимна не узнают. Что мы за народ! Диву даешься.

Мартынюк:

— Петь, может, не будем петь. А что, если так? Братья и сестры! Как Сталин в своем воззвании к народу, когда Гитлер напал.

Молодцов:

— Ну, очевидно, что не товарищи. Прав Заграничный.

Мартынюк:

— Заграничный? У него такая отвага, что подойти близко страшно. В припадке вдруг укусит или ноздрю вырвет.

Молодцов:

— Не скажи. Он неистовый.

Мартынюк:

— Во-во, как Белинский или Дзержинский.

Молодцов:

— Нет, ты не прав. Он материще! Глыба! Ушел на баррикады... а я тут сижу, вино пью... а революция проходит мимо меня...

Он стал декламировать как бы в рифму, враскачку:

— Мы пьем вино, мы пьем вино, и с революцией мы заодно.

Затем надолго замолчал. Супруги ждали дальнейшего действия. Петя как будто почувствовал это и заголосил вновь, но без ритма:

— Мы пьем вино и не замечаем, как происходит великое преломление, ускорение времени. Я тут сижу и глупо рассуждаю о чем-то, — отрешенно, с глубокой печалью заключил Молодцов. — Я уже три раза логически дошел до глупости. И три раза отрезился от всего. Когда брошу пить, то стану трезво мыслить. Ой, ужас! Пьяным не место в нашей жизни. Они ведь трезвеют.

Затем с пафосом воскликнул:

— А потом такая пустота жизни! Боже мой! Пустота внутри.

— Послушай, Петь, давай-ка на диван переместимся. В гостиной можно постелить, — предложил Сергей.

В ответ прозвучали резкие выкрики Молодцова:

— Мы еще им покажем!

— А как же? Покажем! — согласился Мартынюк, надеясь побыстрее уговорить Петю лечь спать.

Молодцов:

— Вы меня не знаете?

Мартынюк:

— Но мы узнаем...

В это время Ирина ушла стелить Пете постель.

Молодцов:

— Нет. Вы меня не знаете. А если знаете, то только местами.

— Никто себя не знает! — поддержал его Сергей.

Молодцов:

— Вот она, чистая лирика. Лучше лечь. Это положение лирика.

Мартынюк:

— Чистого лирика.

— Чистого, — согласился Петя и пошел укладываться спать, отвергая помощь Сергея и на ходу раздеваясь. — Я в состоянии моего духа... духа лирика... чистого лирика... в состоянии сам уложиться.

Это были его последние слова, прежде чем он свалился на диван и тут же провалился в сон.

Ирина успела уложить спать сына, пока соратники решали мировые проблемы.

Некоторое время спустя и хозяева легли спать. Раздался звонок, Ирина позвала к телефону Сергея.

Клевретов:

— Серега, здорово. Это Миша. Извини за поздний звонок... есть разговор... довольно срочный. Я тут недалеко. Ты бы мог выйти на пару минут. Напротив тебя кафе «Ландыш». Давай там встретимся?

Мартынюк:

— Миш, уже около одиннадцати часов...

Клевретов:

— Они питают организмы витаминами и жидкими тоже аж до двенадцати ночи. Так что не робей. Придешь?

Мартынюк:

— Ну, если надо — приду.

Он начал собираться. В дверях его остановила жена:

— Сережа, так поздно. Чего Мише от тебя надо... в такой час.

Мартынюк:

— Детское время. Я ненадолго, напротив в «Ландыше».

Ирина:

— Пожалуйста, ненадолго.

Клевретов и Мартынюк встретились у кафе и зашли в него.

Клевретов:

— Что-нибудь закусить?

Мартынюк:

— Миш, я только из-за стола.

Клевретов:

— Тогда хотя бы дрябнем по чуть-чуть.

Мартынюк:

— И в этом дел я успел отметить.

Клевретов:

— Хорошо, без экстремизма. Мы пьем, не чтоб напиться, а чтоб не разучиться. Мы в гостях у витаминов.

Он заказал коньяк и тихо сказал Мартынюку:

— Сережа, должен тебе сообщить некую тайну. Речь идет о происходящем, о нашей стране. На карту поставлено все. Как ты сам видишь, идет борьба. Одни силы хотят перемен, как и весь народ. А другие силы этого не хотят и сделают все возможное, чтобы повернуть ход истории вспять. Реакционеры — это красный цвет массовому отрезвлению народа.

Мартынюк:

— Это у вас там, на Старой площади, в ЦК, такое умонастроение? Я и не подозревал, что у вас такие прогрессивно мыслящие чиновники. А что же они раньше свои прогрессивные мысли не претворяли в жизнь?

Клевретов:

— Серега, не ерничай. Не все так просто. Ты думаешь, что, в ЦК одни идиоты и ма-разматики сидят? Ничего не знают и только и думают, как бы себе новые привилегии нахапать. Старик, ты очень заблуждаешься.

Мартынюк:

— А как насчет административных органов, которые ты курируешь в ЦК? Все эти правоохранительные органы. КГБ, наконец? Там тоже мечтают о демократии?

Клевретов:

— Ну что вы всех делите на красных и белых. Гражданская война в головах. Жизнь сложнее и не сводится лишь к черному и белому. Ты думаешь, что все диссиденты — несчастные жертвы, а власть предержавшие — все негодяи, которые есть башмак тор-моза на пути прогресса. А ты знаешь, что многие сотрудники государственного и пар-тийного аппарата сделали больше для страны, для ее процветания, в конце концов, для прав человека и развития гласности, чем все эти диссиденты, которые неосторожно болтали чересчур много и все не о том. В ЦК и даже в КГБ... Да-да, не смейся. Именно в этих структурах не замутненная пропагандой информация шла на самый верх, где принимаются решения. Было многое из того, что в ходе перестройки поменялось. Подправили наше законодательство, навели порядок в нашей психиатрии...

Мартынюк:

— Я сейчас заплачу... А что же тогда народ на улицу вышел, если все так хорошо? Зачем этот ГКЧП как черт из табакерки вдруг на нас выпрыгнул? Из-за желания гнома стать великаном? Ты посмотри на этот парад посредственности с трясущимися руками. Народ испытывает радость, глядя на это стремительное падение...

Клевретов:

— Я не собираюсь спорить с тобой. Многое, из того, что ты говоришь, верно. Но я о другой гражданской войне. О той, что может начаться. Это надо остановить. И это может сделать только нейтральный человек.

Мартынюк:

— На меня намекаешь?

Клевретов:

— Именно. Ты удивишься, но я перебрал всех кандидатов и понял, что никому, кроме тебя, не могу доверить это необычное дело...

Мартынюк (раздраженно):

— Меня таким способом не соблазнишь. У вас что, там мало агентов? А где надежные сексоты?

Клевретов:

— Ты не понял... Речь идет о нейтральном человеке, не связанном ни с какими органами и ЦК.

Мартынюк:

— Поэтому ты выбрал одноклассника. Ты забыл, что я тебе давным-давно говорил, еще когда ты только начинал работать в Секретариате ЦК КПСС? Я напомню. Я говорил, Миша, дорогой, от тебя будут шараться как от прокаженного. Расскажешь анекдот о Брежневе и, как минимум, лишишься работы. Или будут только лизоблюды рядом. Выпить по-человечески будет не с кем. Ты помнишь?

Клевретов:

— Да помню я все, Сережа, еще как помню. Как поется в песне, не забывается такое никогда. Ну что ты все дышишь прошлым. Сегодня мы уже стоим у опасной черты. Нужно остановить попытку устранения Б. Н.

Мартынюк (оглядываясь по сторонам почти пустого кафе):

— Вы что, с ума там посходили? Как только прольется кровь лидера, жди кровавой вакханалии. Вы там историю КПСС не изучали? Забыли ленинскую прививку кровью? После такой прививки начинаются вооруженные столкновения...

Клевретов перебивает:

— Сережа, теперь ты меня начинаешь агитировать. Я тебе об этом и говорю. Проблема состоит в том, что для твоего — только для твоего — сведения этот путч разделил людей не по признаку их работы, а по убеждениям. С обеих сторон, есть люди из партийных, государственных органов. Ты удивишься — из КГБ тоже. Ну а военных, которые перешли на сторону Ельцина, ты сам видел у Белого дома. Сложность состоит в том, что очень высок уровень недоверия у людей с обеих сторон. По нашим сведениям, есть человек, который может ликвидировать лидера восставших, если тебе предпочтительнее такой термин. Он ожидает письменного приказа для выполнения этого задания. Ему нужно передать приказ прямо противоположного характера. Но мы не можем подсылать наших людей. Он их не подпустит к себе. Тебя он не знает... ты не из органов и не из партийных структур. И ты надежный... Я тебе верю. Уверен, что ты справишься с честью с этим поручением. Нет, что я говорю. Какое это поручение? Извини за пафос. Ты спасешь страну от гражданской войны. Его надо во что бы то ни стало остановить. Кто, если не ты?

Мартынюк (озадаченно):

— Брось свою агитацию. Это все выглядит как какой-то второсортный детектив. А что он собирается сделать?

Клевретов:

— Обычный способ, против которого охрана слаба — снайперская винтовка.

Мартынюк:

— Я думал, что это только у них в Кеннеди стреляют.

Клевретов:

— Стреляют повсюду, где нужно стрелять.

- Мартынюк:
— А кому нужно стрелять здесь и сейчас? ЦРУ, что ли?
- Клевретов:
— Какое ЦРУ? Американцы ничего не знают и только в изумлении спрашивают, что у нас тут происходит. Их заволновало, кто будет с ядерным оружием.
- Мартынюк:
— Действительно, бардак в такой стране с таким оружием...
- Клевретов:
— Теперь ты понимаешь?
- Мартынюк:
— А что нужно сделать-то?
- Клевретов:
— Передать письмо с инструкцией...
- Мартынюк (настороженно):
— С какой инструкцией?
- Клевретов:
— Самой обычной инструкцией, которая предписывает ничего не предпринимать.
- Мартынюк:
— Я должен подумать.
- Клевретов:
— Конечно, Серега, подумай, хорошенько подумай, но недолго. Я пока выпью еще коньячку, а то я тебя еще не догнал.
Он заказал еще коньяку, и они молча выпили.
- Мартынюк:
— Послушай, Миша, но почему он должен поверить мне да вообще подпустить меня к себе? И где его искать? У Белого дома народу тыща.
- Клевретов:
— Наивный ты человек. Девственное сознание... Ты согласен или как? Обратной дороги нет. От согласия зависит, продолжать ли мне говорить и посвящать тебя в детали, имеющие государственное значение.
- Мартынюк (задумчиво, с сомнением):
— Хорошо. Я согласен, но я... я должен увидеть эту инструкцию своими глазами, чтобы быть уверенным.
- Клевретов:
— Во-от. И ты никому не веришь, даже старым товарищам.
- Мартынюк:
— Не товарищам, а вашей инстанции. Я не оригинален: теперь никто не верит ЦК КПСС.
- А как я узнаю его? Как его звать?
- Клевретов:
— Вот его фотография (оглянувшись, передает фотографии). Звать его Маргинал.
- Мартынюк:
— Это что за кликуха такая? Не очень похожа на фамилию.
- Клевретов:
— Зачем тебе фамилия? Ты его на работу, что ли, собираешься брать? Ты еще анкету выездную попроси заполнить.
- Мартынюк:
— Да нет, похоже, что вы на работу его уже пристроили.
- Клевретов:
— Вот и отлично. Ты его сможешь найти в гостинице «Украина».

Мартынюк:

— Аккурат напротив Белого дома, где митингует народ. Почему у него такая странная кличка?

Клевретов:

— А тебе не все равно? Что ты все хочешь узнать? Меньше знаешь — спишь спокойнее. Его профиль — одиночка, волк. Работает один, без напарников. Таков его стиль. Да, можешь назвать мою фамилию. Скажи, мол, что я тебя прислал. Он сразу же поймет, что ты не из их системы. Объясни так, как есть, мол, люди разбежались кто куда. Доверие подорвано, потому что некоторые опьянели от бредовых идей и переметнулись к несознательным элементам.

Мартынюк:

— А вы, значит, сознательные и все знаете, как лучше организовать жизнь?

Клевретов (запальчиво):

— Сережа, я тебя умоляю: ну хотя бы ты не мажь меня краской бытия. Проводник накаливания обстановки, ты хочешь, чтобы мы все дружно испытали радость падения, так?

Мартынюк:

— Да падение какое-то неокрепшее и воображение слабое на вашей Старой площади.

Клевретов:

— Согласен. Есть люди, которые по-прежнему заражены дыханием вчерашнего дня...

Мартынюк (перебивает с напором):

— Какое дыхание? Ветер перемен, шквал, который сметет все, что вы тут наворотили.

Клевретов (значительно спокойнее и миролюбиво):

— Сережа, мы не на семинаре истории по марксизму-ленинизму. Давай лучше ближе к делу. Итак, ты скажешь ему, что я тебя отправил, поскольку в нынешних обстоятельствах никого надежнее найти не представлялось возможным. Скажи ему... но не сразу, а когда он засомневается, что жилищный вопрос будет решен через десять дней и при условии, что он последует в точности передаваемой тобой инструкции. Об этом никто, кроме нас двоих — теперь троих, — никто не знает.

Клевретов достает открытый конверт, вынимает бумагу и передает ее Мартынюку. Сергей читает ее, затем Клевретов складывает ее, медленно кладет в конверт и запечатывает конверт. Затем Клевретов передает ему ордер.

Мартынюк:

— Что это?

Клевретов:

— Это, Сережа, смотровой ордер на квартиру, чтобы придать ему больше уверенности. Сергей, ты все понял правильно?

Мартынюк:

— Надеюсь, что правильно. Когда его следует перехватить?

Клевретов (после паузы с расстановкой):

— Чем скорее — тем лучше. Все может произойти в любое мгновение.

Мартынюк (задумчиво):

— Стреляют не в любое мгновение... стреляют в самый нужный момент.

Клевретов:

— И какой, по твоему мнению, этот момент?

Мартынюк:

— Пока не знаю... надо подумать. Можно всегда вычислить, если поставить себя на место злоумышленника.

Клевретов:

— Ну поставил, и что с того?

Мартынюк:

— Нет. Ты еще не вошел в его сознание. Все это зависит не от ума, а от способности влезть в его повадки. У него ум может быть и не такой сильный. Судьба могла изрешетить все его мозги. Наверное, Афган позади...

Клевретов (нервно):

— Чего-чего изрешетили?

Мартынюк:

— Мозги.

Клевретов (обиженно):

— Ах, мозги... Вам, интеллектуалам, конечно, видней. Скажи спасибо, что ему их вообще не вышибли. То, что он повидал, хватило бы не на один приключенческий детектив с плохим концом. Ну да ладно... что об этом. Какая разница, где он был. Нам важно понять, что он будет делать сейчас.

Мартынюк:

— Вот это я и пытаюсь вычислить.

Клевретов:

— Во-во! Включай свой калькулятор.

Мартынюк:

— А он точно снайпер?

Клевретов:

— Точнее не бывает. А почему ты спрашиваешь?

Мартынюк:

— Потому что он точно так же может поставить мину.

Клевретов:

— Может, но не будет. Во-первых, это не его профиль, а во-вторых, много случайных людей может погибнуть.

Мартынюк:

— А разве это имеет значение для людей такого полета? Их калибровка не включает такие нежности. Они могут помешать выполнению поставленной задачи.

Клевретов:

— Ты знаешь (после паузы, оглянувшись)... сообщаю только для твоего сведения. Спецназ «Альфа» отказался штурмовать Белый дом. Когда чья-то горячая голова предположила удар ракетой, то военные остановили эту идею. Напомнили, что это Москва, а ракета не всегда точно попадает в цель.

Мартынюк:

— И я про это самое. Хорошо, я все понял, а квартира — это что-то вроде ордена, не так ли?

Клевретов (отстраненно):

— Сережа, что ты меня добиваешь? В тебе ген безжалостности завыл, да? Лучше подумай, когда он может выйти на позицию.

Мартынюк (запальчиво):

— А я знаю? Я Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро, что ли? Может, сегодня, а может, завтра. Я подумаю. Будем на связи. Мне надо домой, а то Ирина волнуется.

Они допили коньяк, Клевретов расплатился, и каждый заспешил по маршруту своей судьбы.

И еще один день прошел под знаком революции.

День третий, он же двадцать первый того же месяца того же года. И путч все так же продолжается.

Утром после кофе Мартынюк с Молодцовым отправились на работу. Какое-то время они ехали молча. Сергей заметил Пете:

— А мы, кажется, опаздываем на работу.

Молодцов:

— Какая работа, Сергей? Призрак, призрак революции бродит по улицам Москвы, а ты мне заслоняешь его какой-то дурацкой работой. Высади меня лучше поближе к Белому дому.

Мартынюк:

— Ты еще не остыл, Петя. Боишься, пропустишь революцию. Думаешь, с похмелья без тебя не справятся?

Молодцов:

— Без меня не обойтись. Массам нужны идеи и вожди. Сегодня третий день, а на третий день вождь обязательно должен возглавить массы и направить их в русло своей мысли. Ты не забыл, что я тебе говорил вчера?

— Нет, не забывается такое никогда, — пропел Мартынюк. — Может, все-таки на работу? План перестройки горит, а ускорение и гласность стоят. Кто их будет двигать? В революцию может пойти каждый. А планы двигать могут лишь избранные. Только вожди мысли. Кто, если не ты, Петя?

Молодцов:

— Вот именно, кто, если не я? Доверяю вам самое дорогое — планы, а сам... сам я пойду на баррикады. Там воздух свободы, там Жора. Буду как вождь с передовым отрядом общества бороться за воздух свободы.

— Подожди. Газеты продают. — Сергей притормозил и купил «Общественную газету».

Они стали читать ее в машине. Прочитанное вдохновило Петю на еще больший скачок сознания.

Молодцов:

— Ты видишь, Серега, что происходит? Войска уже переходят на сторону повстанцев. Ростропович приехал из-за границы на баррикады. Ростропович — это символ. Символ издалека. Он был у Берлинской стены. Он играл на своей скрипочке, чтобы ее разрушили. Теперь он здесь. Это говорит само за себя.

Мартынюк:

— Петя, во-первых, не на скрипке, а на виолончели. Во-вторых, ты на что намекаешь?

Молодцов:

— Там, где Ростропович, там революция.

Мартынюк:

— Это что, закономерность?

Молодцов:

— Не знаю, но Ростропович — это неспроста. Когда его скрипка, то есть виолончель играет, то что-то рушится. Ты видишь, какая Москва сейчас?

Мартынюк:

— Не понимаю тебя, Петя. Может, тебе нужно банально опохмелиться?

Молодцов:

— Нет, Серега. Я опьянел опять... от воздуха свободы. Ты не врубаешься. Посмотри вокруг. Первые лучи августовского солнца бегут по Москве. По революционной Москве. Столицы, но уже не СССР, а чего-то нового. Где мы будем жить?

- Мартынюк:
— В своих квартирах, надеюсь. Там, где и раньше жили. Думаешь, начнут уплотнять, как после 1917 года?
- Молодцов:
— Серега, тут такое творится. Здесь вопрос вопросов: будет у нас социализм или нет? А ты о каких-то квартирах.
- Мартынюк:
— Напрасно, Петруша, ты отмахиваешься от квартир. Квартирный вопрос может все испортить, как писал классик.
- Молодцов:
— Я о другом говорю. О другом классике. А ты... ты как безбожник у станка.
- Мартынюк:
— То есть?
- Молодцов:
— Ты пойми: это фундаментальное, экзистенциальное. Где, в какой стране мы будем жить? Ныне все меняется. У нас будет новый дом.
- Мартынюк:
— Меня как-то больше волнует мой собственный. Я тебя уже спрашивал, в какой стране будем жить. А теперь ты повторяешь мой же вопрос.
- Молодцов:
— Я повторяю по-иному. В другом контексте.
- Мартынюк:
— Контекст у нас один: посадят или нет.
- Молодцов:
— Даже если посадят, ну и что? Разве главное — подольше пожить? Главное — это как прожить?
- Мартынюк:
— А я думаю, главное — это как пережить. Ты мне еще расскажи о том, как мучительно больно за бесцельно прожитые минуты.
- Молодцов закричал:
— Расскажу. Я расскажу тебе все. Все! Нам дано такое огромное богатство — целая жизнь. А что мы?
- Мартынюк:
— А что мы?
- Молодцов:
— Да мы не знаем, что делать с этим огромным богатством. Мы расточительны... зачем мы так стремимся удлинить свою жизнь, если мы такие незначительные богачи?
- Мартынюк:
— О чем ты?
- Молодцов:
— Просто-напросто мы разбрасываем эту роскошь.
- Мартынюк:
— Какую роскошь?
- Молодцов:
— Нашу жизнь. Она скользит у нас сквозь пальцы. Она утекает, как вода из наших кранов. Потому что нам кажется, что мы всегда все успеем. В результате мы ничего не успеваем.
- Мартынюк:
— Я понял: трубы горят, и надо все-таки хлебнуть чего-нибудь.

Молодцов:

— Нет, дорогой мой Сергей Иванович. У нас с тобой расхождения по базису, потому я немедленно покидаю твое автотранспортное средство. Тем более что до Белого дома осталось три шага. Мы в трех шагах от свободы. Цифра ТРИ. Спасибо тебе и Ире за гостеприимство. Не забудь: цифра ТРИ все решает. Сегодня третий день, и путч завалится именно сегодня, на третий день, — завершил Молодцов высокопарно. — И на третий день я благодарю тебя за гостеприимство.

Мартынюк:

— Пожалуйста.

Молодцов:

— Тем более что оно было оказано свободному человеку.

Мартынюк:

— Совершенно верно: накачались мы абсолютно свободно. Возвращайся с победой.

Молодцов:

— Вернусь и расскажу тебе о роли личности в этой истории, которая творится за нас и вокруг нас.

Мартынюк:

— Роль личности? А личности есть ныне?

Молодцов:

— Ты прав. История есть, а вот личностей нет. Когда-нибудь будут потом. В другой истории.

Мартынюк:

— Тогда расскажешь о роли своей личности в этой истории, хорошо?

Молодцов:

— О'кей. До свидания. Еще раз спасибо за все.

Они расстались: Петр пошел в революцию, а Сергей Иванович — на работу.

ГКПЧ. На работе одиноко сидел Альберт Матвеевич, как будто спрятавшись от незваных невзгод в своем кабинете. Как в берлоге. Его обнаженный лоб блестел, как камень на ярком свету. Неожиданно ввалился парторг.

Смяткин:

— Ну, как ты, Альберт?

Таганцев:

— Как? Никак!

Смяткин:

— Очнись! Пора братья...

Таганцев:

— За что, Егорыч?

Смяткин:

— За все. Готов встать на новые рельсы?

Таганцев:

— Готов, но где они, эти рельсы?

Смяткин:

— Нужно все зрить. Умнеть пора и уходить от невежества. Я уже готов даже стать революционером. Пусть невежественным.

Таганцев:

— Да? А я как бы готов и как бы не готов. Где руководство? Пагубно безначалие, а вовсе не невежество. Невежество может даже придавать известный лоск власти. Сколько же придется жить во всем этом?

- Смяткин:
— Неизвестно, Альберт. Нужно действовать, и активно. Я вот что придумал. Надо организовать изучение Конституции СССР. Повсеместно. В ней должны быть права человека. Повсеместно.
- Таганцев:
— Егорыч, да они же в ней.
- Смяткин:
— Где, в ней?
- Таганцев:
— Да в ней.
- Смяткин:
— То есть?
- Таганцев:
— Положения пактов ООН по правам человека уже есть в брежневской конституции.
- Смяткин:
— А я как-то это упустил.
- Таганцев:
— Работая у нас в ГКПЧ, и упустил?
- Смяткин:
— Из виду.
- Таганцев:
— А вот этого делать не надо. Нельзя ничего упускать... особенно из виду. И они оба в один момент посмотрели на входящую с почтой Леру.
- Доброе утро. Какие новости? — спросил ее начальник.
- Лера:
— Да, все те же.
- Таганцев:
— Ну а все-таки?
- Лера:
— Столкновения с войсками. Кого-то задавили насмерть. Дзержинского завалили.
- Смяткин (возмущенно и с недоумением):
— То есть как завалили?
- Лера (не без удовольствия вызываясь, чтобы позлить):
— Очень просто.
- Начальник и парторг обменялись выразительными взглядами.
- Кто завалил Дзержинского, Лера? — с напором спросил руководитель. — Это так даром не пройдет. Это уже покушение на самую святыню революции! Куда мы приехали, а?
- Лера:
— К памятнику, к которому ни подойти, ни подъехать нельзя.
- Смяткин:
— Лера, это правда?
- Лера:
— Истинная правда, что свалили памятник Дзержинскому.
- Таганцев:
— Того хуже. Покушение на социалистическую собственность. Памятник железному Феликсу, рыцарю Октябрьской революции, и... завалили. Как-то неуютно от такой новости.
- Лера:
— Я вас понимаю, Альберт Матвеевич.

Таганцев (удрученно):

— Что еще, Лера?

Лера:

— Герой Афгана Руцкой полетел с автоматом и отрядом выручать Горбачева.

Таганцев:

— Больше никого, то есть ничего?

Лера:

— Новая власть на подходе, а так больше ничего.

— Идите, Лера, идите, — нервно сказал Таганцев. — Спасибо за сводку с боев, Лера.

Лера довольно недовольная удалилась.

Таганцев:

— Ты видишь, Егорыч?

Смяткин:

— Что?

Таганцев:

— Лера всегда оптимистическая такая...

Смяткин:

— Во-во, оптимистическая трагедия...

Таганцев:

— Радостная такая, а сегодня понурая.

Смяткин:

— Да что ты все про Леру? Альберт, ты представляешь, что происходит?

Таганцев:

— Я представляю только одно. Уже приходится выручать законно избранного президента. До чего мы докатились! Ой, Егорыч, Егорыч. Где страна? Где мы? И кто мы? Я жил в стране, которая мне нравилась. Но, видимо, я ей не нравился.

— Почему, Альберт? — решительно опроверг его парторг. — Ты нам всем нравишься, и Родине тоже. Ты нужен всем! Все и Родина тоже пропадут без тебя.

Таганцев (жалобно):

— Нет, нет. Я не понравился стране, и она решила измениться. Она поменяла свой строй. Какая мстительная! Из-за этого теперь должен поменяться и строй моих мыслей. Страна изменила мне, и я сдвинулся мозгом.

Смяткин:

— А может, не ты один стал в одночасье...

Таганцев:

— Кем в одночасье?

Смяткин:

— Кем, кем? Инвалидом мозга.

— Может. — Альберт Матвеевич глубоко задумался, а затем, как бы оторвавшись от своих дум, затрепал быстро-быстро: — Потому что как примириться с тем, что я был в восхищении от страны? А теперь осталось только восхищаться воспоминанием или жить былым восхищением, то есть восхищаться самим собой. Я же носитель своего восхищения. Живая, так сказать, память. История! А теперь будут говорить, что я неправильно думал и неправильно жил.

И с огромным усилием он выдохнул:

— Живу я правильно и думаю правильно, только не в том направлении (почти жалобно). Я же не виноват, что время движется только вперед. Это не моя вина, а моя беда. У всех есть недостатки, и у меня тоже. Я неправильно чувствую время, то есть я чувствую то время, которого уже теперь нет, — задумчиво провозгласил он, а потом закричал: — Нет этого времени!

Смяткин:

— Успокойся, Альберт.

Таганцев:

— Какое там спокойствие? Трагедия и фарс одновременно.

Он закинул ногу на ногу и сказал наигранно:

— А я буду себя вести легко, по-светски. Мне кажется, именно так себя ведут в свете. Этак все запросто. (С надрывом.) Плюю на все. Теперь у нас будет новый свет.

Смяткин:

— Альберт, ты держись!

Но эти слова оказали на Таганцева прямо противоположное действие. На него опять нахлынула печаль.

Таганцев:

— За что? — протянул он слабым голосом. — Сижу с оттопыренным лицом. Ну и видок! Вот нравы! Вот она, смена караула.

— Пойдем, Альберт, — начал уговаривать его парторг, чтобы отвлечь от тяжелых дум, — пройдемся по офису. Посмотрим, как там наш коллектив поживает.

Начальник безвольно последовал за партийным вожаком, который продолжал не очень уверенно бодриться, чтобы только поддержать все более угасающий дух командира тонущего корабля. Они прошли через коридор к лестнице. Начали спускаться по ней и сразу же натолкнулись на Мартынюка, окруженного сослуживцами, живо обсуждавшими происходящее в Москве.

— Сергей Иванович, как обстановка? — поинтересовался парторг.

Мартынюк:

— Как обычно.

— То есть? — переспросил Смяткин.

Мартынюк:

— Накалена до предела.

— А что наши СМИ вещают? Что народ думает? — не унимался вожак.

Мартынюк:

— Все, как учили классики. Верхи не могут, а низы не хотят.

Ликует пионерия:

Сегодня в гости едет к нам

Лаврентий Палыч Берия! —

продекламировал не без удовольствия Мартынюк, встреченный смехом коллег.

Таганцев (растерянно):

— Сергей Иванович, ты как-то очень резко ставишь вопрос.

Мартынюк:

— Альберт Матвеевич, это не я, это время.

— И ты против власти? — искренне удивился начальник.

В это время появился небритый Базыкин. Все его движения показывали: шествует человек, гордый самим собой. На ходу он начал вещать собравшемуся коллективу геройским голосом:

— Двоевластие расширило горизонты. Дерзновение мысли увенчалось дерзкими действиями. Теперь народ устремится от двоевластия к победе!

Парторг мгновенно переменялся в лице. Он перебил шествующего трибуна и поведал народу:

— Я что скажу? Надо отменять привилегии. Давно пора. Верхушка зажралась и оторвалась от народа. Я — человек, допущенный до пайка и некоторых привилегий, го-

тов отказаться от них. Как это плохо, что у одних есть все, а у других на водку не хватает. Надо отнять привилегии, и тогда у всех будет все. Я добровольно давно созрел до отвала привилегий, то есть тьфу, черт попутал, до отказа. Я тоже отказник. А Ельцин не боится идти за правду. Я что могу сказать? Ельцин статен собой. Упал в реку с моста? Ну и что? Шрамы украшают мужчин. Он редкий политик и болеет за народ.

После этого откровения парторг поинтересовался с наигранным оптимизмом:

— Ты, Дима, что скажешь как очевидец событий? Расскажи нам, свидетель истории. Теперь нам на тебя надо равняться.

Базыкин:

— Егорыч, скажу со всей большевистской прямоотой. Тебе — человеку с большой буквы «Г». — От такой шутки парторг сжался и как бы уменьшился в размерах. — Я был у Белого дома. Власти прежней больше нет. Видел людей в Белом доме и вокруг него (тянет слова). Видел Ельцина, борцов за новую жизнь и даже мельком Заграничного. Идет братание войск, перешедших на сторону революции, и повстанцев. Уже совершенно очевидно: ГКЧП кончился.

— То есть все? — жалобно переспросил Альберт Матвеевич.

— Все! — отрезал Базыкин.

— Все? — вновь с надеждой услышать другую новость переспросил Смяткин.

— Все! — рубанул еще сильнее Дмитрий.

— И все равно ничего не ясно... Главное, чтобы от этой революции в мозгу у кого-нибудь не застряла неправильная мысль, — молвил после некоторой паузы Альберт Матвеевич. — Она не доведет до добра. Егорыч, пойдем, осмыслим происходящее.

Начальник подобнял парторга и потащил его к себе в кабинет, как будто прикрываясь им от надвигающейся социальной бури. Они прошествовали мимо Леры, подобно пьяно шагающему экскаватору. В кабинете Альберт Матвеевич затараторил:

— Эх, Егорыч. Надо было мне соглашаться и уезжать послом куда-нибудь. Ведь предлагали, давали место, а я все тянул.

Смяткин:

— А чего ты ждал? Продвижения?

Таганцев:

— Ты не поверишь, но мне не хотелось уезжать за границу. Думал, всегда успею. Вот и успел. Дождался продвижения по жизни.

Смяткин:

— Не тушуйся.

Таганцев:

— Да чего обсуждать, Егорыч? Все очевидно: власть меняется. Всех разгонят... останемся мы ни с чем. Это как во времена Хрущева... сняли его, и все полетели следом.

Смяткин:

— Ну, нет, Альберт, мы еще повоюем.

Таганцев:

— Поберегись, Егорыч. Новые ребята придут голодные и жадные до власти. Никого не пощадят. Имей это в виду.

Смяткин:

— Альберт, у меня душа болит за то, что происходит. Все валится из рук... и наши знамена. Где наши лозунги? Гитлера победили, а тут какие-то крикуны власть завалют? Не может такого быть никогда! Так еще не бывало!

Таганцев:

— Не бывало, конечно, не бывало, но зато теперь так будет.

Смяткин:

— Это не аргумент.

Таганцев:

— Конечно, ты мне уже говорил, что не аргумент. Но когда кошмар надвигается, то это уже о-го-го, какой аргумент. Господи, как будто жизнь за живое цапает и кто-то жутким голосом кричит!

Смяткин:

— Да что он, твой жуткий голос, кричит?

Таганцев:

— Проспали Россию.

Смяткин:

— Это уже было...

Таганцев:

— Вот это-то и ужасно, что все повторяется! Ой, какая была страна! На кой ляд ее развалили? Ну, скажи: кому она мешала? Тебе? Мне? (С сожалением и неким прозрением.) Кому-то, видать, мешала. Сами по себе государства не рушатся. Нам впору клуб открывать.

Смяткин:

— Какой такой клуб?

Таганцев:

— Клуб под названием «Почему нас не любят?», чтобы слушать всю эту дурацкую критику. Подожди, подожди. А может, не такая она и дурацкая? Мне сейчас важная мысль в голову пришла. Подожди, а то я ее навсегда потеряю.

Смяткин:

— Излагай свою особо ценную мысль.

Таганцев:

— Может, нужна критика, и тогда не может быть революций. На хрен революция, если я и так тебя могу критиковать. А то как перекипающий чайник. Может, чего-то там наверху недодумали на этот счет, а? Теперь нам всем предстоит разбираться с этим вопросом.

Смяткин:

— Ценная у тебя мысль, Альберт. Хорошо, что ты ее не потерял. Мысли особенно ценные все время норовят ускользнуть. А ты вот ее поймал. Молодец! Только что с ней делать теперь? Дорого яичко ко Христову дню. А сегодня народу явно не до мыслей... ему подавай действия. Крушить, ломать — это намного занимательнее, чем созерцательность. Вот какая у меня появилась мысль. Большевики устанавливали власть, ломая старые памятники. Интересно, что с этого же начинается и новая власть. Это у нас традиция такая? Мы по-иному не можем?

Таганцев:

— Что делать? Современная жизнь требует. Егорыч, я думаю, и названия городов и улиц поменяют. Так уже было.

Смяткин:

— Альберт, старая власть — то была царская власть.

Таганцев:

— Да нет, Егорыч. Это ты не понял, что старая власть — это советская власть, а грядущая — это новая власть.

— А мы — это старая власть, — грустно заключил парторг.

Таганцев:

— Вот-вот, слова не мальчика, но мужпарторга.

— Надеюсь, до расстрелов дело не дойдет? — с надеждой в голосе спросил партийный вожак.

Таганцев:

— Надейся. Кто-то погиб ночью. Кого-то задавили.

Смяткин:

— В Москве каждый день кто-нибудь гибнет в автопроисшествиях. В масштабах одной семьи — трагедия, в масштабах города — статистика.

Таганцев:

— Э, не скажи, Егорыч. Когда примешивается политика, это уже другое дело. Одна смерть может иметь большее значение, чем гибель многих людей. Возьми, к примеру, смерть Ленина.

Смяткин:

— Или Альенде.

Таганцев:

— Или расстрел царя Николая с семьей...

Смяткин:

— Ну, сейчас ты заведешь эту новомодную шарманку. Что, монархизм теперь в почете?

Таганцев:

— Егорыч, жизнь знает одно движение — только вперед, а не назад.

Смяткин (иронично):

— Я уже слышал твое новое открытие.

Таганцев:

— Подожди. А ты знаешь, Егорыч, что на самом деле движение идет не вперед, а вверх.

Смяткин:

— Что значит вверх? У истории нет низа и верха. Этого ни в политэкономии, ни в диамате, ни в истории марксизма-ленинизма нет. Значит нет таких понятий у человечества!

Таганцев:

— Не торопись, Егорыч. Ты же не будешь отрицать влияния религии на человечество?

Смяткин:

— Придется признать: было и такое отсталое явление. Эти церковники, клерикалы, баптисты, адвентисты... одним словом — шаманы.

Таганцев:

— Не вали все в кучу. Есть другое движение — вверх, к небу.

Смяткин:

— А, понял, то есть к Богу.

Таганцев:

— Дошло. Лучше поздно, чем никому.

Смяткин:

— И что из того?

Таганцев:

— А то, что время движется только вертикально.

Смяткин (весело):

— Понял, а Христос — это наша жизнь, свет и покой? Ты мне, парторгу, предлагаешь стать баптистом-народником? Мы столько времени боролись с этим чуждым, уродливым явлением отсталой России, а теперь ты хочешь повернуть все вспять? Этого не будет никогда! — с глубокой убежденностью рявкнул партийный вожак.

Таганцев:

— Послушай, Егорыч, ты же не на партсобрании. Во-первых, не уродливое и не чуждое явление. Напротив — вся история России пропитана религией. Во-вторых, она ни-

куда и не уходила из души народной. Ты никогда не обращал внимания на то, сколько людей ходит на кладбища на Пасху? Спецпайков за это им не полагается. Напротив, скорее пожурят. Не накажут, как в прошлом, но все-таки какое-то неповиновение и возможная расплата. А народ все равно идет. Кстати, в минуту опасности Сталин восстановил церковь и призвал ее на помощь в борьбе с Гитлером.

Смяткин:

— Вот именно, Сталин призвал во время нового исторического периода, уже свободного от мракобесия.

Таганцев:

— О чем ты говоришь? Новый исторический период? А сколько он длится, твой новый исторический период? Семьдесят четыре года? В масштабах мировой истории это даже не миг, это граммюля мига.

Смяткин:

— Уже, значит, не твой, а мой исторический период? А ты, значит, уже выпал из него в осадок? Ты теперь в религии погряз?

Таганцев:

— Нигде я не погряз. Я пытаюсь понять, что происходит. Вижу только, что постепенно мы возвращаемся к Богу.

Смяткин:

— То есть все-таки движение назад, а не вперед?

Таганцев:

— Да не назад, Егорыч, а вверх. К Иисусу Христу, а с Ним всегда и везде хорошо.

Смяткин:

— Я и не подозревал, как сильно ты утонул в схиме. Проморгал. Кончай свою агитацию старовера, а то, глядишь, к самосожжению начнешь подвигать. На тебя слишком сильно подействовали эти события. Один ты совсем пропадешь. Пойдем лучше в наш родной коллектив.

Таганцев:

— Мы уже были в нашем родном коллективе. Он стал теперь очень разнородным. Выставка персоналий, и каких! И куда ты смотрел, партийный ты наш руководитель? Что скажешь?

Смяткин:

— Ничего не скажу. Все ушло, как с белых яблонь дым.

Таганцев:

— Ладно. Пойдем посмотрим. С народом персоналий всегда быть лучше.

Смяткин:

— На миру и смерть красна.

Таганцев:

— Егорыч, какая смерть? Ты что, с ума сошел?

Смяткин:

— Это я так, к слову сказал.

Таганцев:

— Мерзопакостное у тебя слово. Мог бы и получше подобрать.

День тот же, третий: о любви и страстях по революции.

А в это самое время Базыкин направлялся как бы случайно по коридору в сторону кабинета начальства. И в то же самое время в коридор вышла Лера. Она пристально

посмотрела на Дмитрия, который шел прямо на нее. Он смотрел виновато ей в глаза, ожидая, что она скажет что-нибудь, но она молчала. Наконец он подошел к ней и остановился. Оба молчали, как бы опасаясь спугнуть тишину. Начальственный коридор был пуст в отличие от прежних времен, когда он постоянно шумел наплывом посетителей.

Лера:

— К Альберту Матвеевичу?

Длинная пауза. Не в силах выносить ее, Валерия спросила казенным голосом:

— Тебе что-то нужно? Тебе кто-то нужен?

После долгой паузы Дима вымолвил неловко:

— Скорее, кто-то.

Лера:

— Кто этот кто-то?

— Кто-то, кого я давно... — медлил Базыкин.

Лера:

— Что ты тянешь? Ты запутался в своих «кто-то кого-то». Ты сам понимаешь, что говоришь?

Дима:

— Если честно, то нет.

Лера:

— Что же ты хочешь сказать?

Дима:

— Не знаю.

Лера:

— А если не знаешь, то зачем пришел?

Дима:

— Не знаю. Пришел, потому что...

Лера:

— Почему потому что? Договаривай.

Дима:

— Потому что хотел тебя видеть.

Лера:

— Мы только недавно расстались. Уже успел соскучиться?

Дима:

— А мне показалось, что прошло много времени.

Лера:

— Это только кажется, а на самом деле это было только вчера.

Дима:

— Лера, я много передумал за эту ночь. Я видел людей, их воодушевление. Много меняется в нашей жизни сегодня.

Лера:

— А что, собственно, изменилось? Ровным счетом ничего.

Дима:

— Все изменилось. И мы изменились. Я изменился. Я люблю тебя, Лера.

Лера:

— Какое сильное слово! Не надо так им швыряться в меня.

Дима:

— Лера, не надо так.

Лера:

— Как?

- Так не надо! — зло сказал он и повернулся, чтобы уйти.
- Подожди, Дима.
- Лера обняла его, и они стали целоваться.
- Лера:
- Дима. Ты говоришь, что любишь меня, а ты еще ни разу не сказал мне, что я тебе нравлюсь.
- Дима:
- Глупая. То, что я сказал, — выше.
- Лера:
- Еще можешь сказать? Нет, лучше не говори слишком часто, а то я привыкну.
- Дима:
- А я хочу произносить это сильное слово. От этого оно станет еще сильнее. Я стану сильнее, и моя любовь к тебе тоже.
- Лера:
- Нет, пока не надо... мне надо к нему привыкнуть. Скажи лучше...
- Дима:
- Что?
- Лера:
- Ты никогда не говорил мне, что я красивая. Может, я для тебя не красивая.
- Дима:
- Я просто не успел сказать. Ты очень красивая. Ты мне нравишься. Очень.
- После паузы он спросил ее:
- Скажи мне, почему у тебя в спальне висит портрет мужа, если ты его не любишь?
- Лера:
- Какие вы, мужики, все-таки смешные. Какое это имеет значение? Иронии судьбы захотелось?
- Дима:
- Но все-таки?
- Лера:
- Ты не слишком торопишься? За какие-то день-два ты успел возникнуть в моей жизни и исчезнуть. Костолом! Ты выпал из нее так быстро, что я не успела ничего понять. Теперь ты заявляешь о своих правах. А где мои?
- Дима:
- Я не костолом. Я излом судьбы. Ты меня не так поняла.
- Лера:
- Нет, я тебя так поняла. Я могу сказать. Этот портрет — это то, что осталось от него. Он стал другим. Совсем не тем, каким я его полюбила. Портрет рисовала его мать-художница. Он очень удачный. В нем передана вся его суть. Кому как не матери знать своего сына? Очевидно, в нем ей удалось сказать о сыне что-то такое, что не было видно другим.
- Дима:
- Но ведь есть фотографии.
- Лера:
- Да, есть. Но это не то же самое. Хороший портрет скажет о человеке больше, чем сотня фотографий. Вот она, сила искусства. У тебя есть художники среди родственников?
- Дима:
- Нет, к счастью.
- Лера:
- А может, к сожалению.

Дима:

— Ты хочешь, чтобы у тебя остался мой портрет?

Лера:

— Иногда портрет лучше оригинала.

Дима:

— Опять?

Лера:

— Нет, Дима. Я просто хочу быть понятной.

Дима:

— Кому?

Лера:

— Прежде всего себе. А может, и тебе тоже, если у нас действительно что-то получится. Все так быстро проносится. Так хочется прижать это мгновение к себе и не отпускать его.

Они опять стали целоваться.

А в это время Альберт Матвеевич и Егорыч вышли из кабинета. Прошли мимо пустующего предбанника и в коридоре увидели обнимающихся Леру и Базыкина.

Смяткин:

— Вот тебе на! Альберт, твоя секретарша забыла о своем профессиональном долге. Что им революция, судьбы человечества, завтрашний день. Неважно! Им все нипочем! Им бы только обниматься!

В ответ парторг услышал Лерин голос:

— Есть вещи поважнее. Любовь превыше всего!

Смяткин:

— Нет, ты посмотри, Альберт, они способны бросить свое любимое дело жизни, только чтобы...

Базыкин (продолжая обнимать Леру):

— Это и есть наше самое любимое дело жизни.

Смяткин:

— Только бы надерзить старшему поколению. Только бы целоваться. Вот нравы!

Таганцев (миролюбиво):

— Оставь их, Егорыч. Дело молодое. Пошли в народ.

На лестнице они увидели Молодцова, возбужденно выступавшего перед коллегами. Могли ли они догадаться, что это возбуждение было особенным в связи с тем, что он тоже только что видел целующихся Диму и Леру? Отчаяние его непонятой души, возбуждение от пережитого у Белого дома, ощущение надвигающейся неведомой, новой жизни — все это ударило словесным потоком по разбросанному сознанию сотрудников.

— Шаламов, — закричал Петя. — Помните это имя? Как он определил нашу власть? Великий эксперимент растления человеческих душ. А теперь этот эксперимент кончился! Не наша это философия. Выдумки все это, что, мол, не можем без сильной руки. Это нам все напридумывали. Получается, как в перефразе Пушкина:

И буду тем любезен я народу,
Что плеткой верною слезу я прошибал,
Что в век мятежный подавил я наконец свободу
И милость к павшим подавлял.

Нет, не наше все это. Когда жена недовольна мужем, то она начинает подыскивать себе нового супруга. Так же и с властью. Народ недоволен и начинает бунтовать, пока не подвернется надлежащая власть.

— А как определить надлежащую власть? — поинтересовался Николай Иванович Перепелкин.

Молодцов:

— Та, которая отвечает нуждам народа и не подавляет его, прикрываясь демагогией о защите народных интересов.

— Бывают ли такие правительства? История не знает означенных примеров, — не унимался лидер профсоюза. — Чего нам только не обещали? В 1980 году ожидалось обещанное Хрущевым пришествие коммунизма. Но коммунизм почему-то забыл прийти. Облигации государственного займа обещали погасить, но почему-то тоже не выплатили. Все меняется: власть, строй, правительства, но только денег не прибавляется. Удивительное постоянство! Ты что, Петя, веришь, что новая власть, если она и будет, нам чего-то даст? Я думаю, все наши сбережения рухнут, как недавно при обмене премьером Павловым пятидесяти- и сторублевых купюр.

Молодцов:

— Иван Игнатьевич, ну что вы все о мелком? Надо же шире посмотреть на вещи. Наш бессменный министр иностранных дел А. А. Громыко говорил, политика не измеряется арифмометром. А вы все о деньгах да о деньгах. Деньги всегда будут, если будет нормально организованное общество. Если государство будет социальным, то оно всегда будет следить за справедливым распределением единого общего пирога — ВВП. Мы наконец приблизились к свободе, без которой нет ничего. За свободу люди гибнут, а вы о чем? Должен вам сообщить, что ночью трех человек задавили бронемшины.

Смяткин (раздраженно):

— Как бы не захлебнуться этой свободой!

Молодцов:

— Идет братание народа с армией.

Смяткин:

— Может, ошибка какая вышла?

Молодцов:

— Никакой ошибки.

Смяткин (осторожно):

— А ты Заграничного видел?

Молодцов:

— Нет, не видел. Много народу, много суматохи и противоречивых слухов, как на вокзале. Но если трое погибло, то опять тройка, — задумчиво протянул Молодцов.

Альберт Матвеевич бросился к нему на помощь, как бы опасаясь за его душевное состояние:

— Это еще не известно: два или три. Может, никто и не погиб вовсе. Зачем на этом концентрироваться?

Молодцов:

— Напротив, надо сосредоточиться, Альберт Матвеевич. Третий день сегодня. Вышла вся советская власть. Тройка летит, тройка торжествует.

В это время появился совсем небритый Заграничный. Глаза его искрились, как высоковольтные провода при коротком замыкании. Подходя к митингующим, он закричал:

— Всем привет, даже коммунистам!

Егорыч поморщился от такого приветствия и бросил в революционера:

— А ты, карбонарий, давно ли вышел из коммунистов? Я что-то не видел твоего заявления на этот счет.

Заграничный:

— Ах, Егорыч, оставь свои смешные лозунги. Коммунистов более не будет. Это я вам обещаю.

Таганцев (робко):

— А что же будет?

Заграничный:

— Полная демократия! Полный плюрализм! Полная рыночная экономика! Главное — коммунистов более не будет. И партсобраний после работы тоже не будет.

Смяткин (срывающимся голосом):

— А что, теперь собрания будут разрешены только в рабочее время?

Заграничный:

— Нет, Егорыч. Собраний не будет. И компартии не будет вовсе. Ее запретят!

Мартынюк:

— А как насчет гонений на коммунистов? Кто будет решать, кто демократ, а кто ретроград и противник демократии?

Заграничный:

— Не будет никакой политизации, особенно на работе. Это я вам обещаю!

Воцарилась гнетущая пауза. Наконец Сергей Мартынюк нарушил ее:

— Послушай, Жора. Когда Геринга спросили, правда ли, что в войсках СС есть евреи, то он ответил: здесь мы решаем, кто еврей, а кто не еврей. У нас так же будет?

Заграничный:

— Серега, что за дурацкие вопросы!

Мартынюк:

— Дорогой Жора, из твоих слов вытекает, что может начаться новая охота на ведьм. Попросту говоря, очередная чистка кадров, а может, и репрессии.

Заграничный:

— Что вы мерите своими старыми, совковыми понятиями? Какие репрессии? Демократия будет.

— Подожди, — продолжал Сергей, которого с большим интересом слушали сослуживцы. — Компартию распустят, а если кто не захочет выходить из партии коммунистов? Что с ними будет?

Заграничный:

— Ельцин все решит, как надо.

Мартынюк:

— Вот это-то истораживает. Он человек обиды... кстати, он тоже был партийным руководителем в Свердловске и Москве. Непонятно все же... что нас ожидает? Дальняя дорога, казенный дом?

Заграничный:

— Хватит вам запутывать. Вы, чиновники, всегда все осложняете...

— Мы, чиновники? Ты-то давно им перестал быть? — переспросил Молодцов. — Скажи лучше: это правда, что люди погибли?

Заграничный:

— Правда. К сожалению, трое погибло. Их задавили бронемшины или танки. Как будто случайно, но точно не знаю.

— Главного ты точно не знаешь. Но тройка? Какова тройка! — возбудился опять Молодцов. — Я же говорил: тройка. Она все решает! А кто они, эти трое? Что-нибудь известно о них?

Заграничный:

— Немного. Говорят, что это студент, еврей и рабочий.

— Представляете, со стороны обороны Белого дома погибли трое, — закричал Петья. — Как символично: студент, еврей и рабочий. История установления советской власти и ее крушения повторилась. Через семьдесят четыре года меньше жертв, нежели чем при ее утверждении. Но главное — состав участников очень характерен. Три

человека выступили против путча: Ельцин, его поддержал председатель правительства РСФСР Силаев и и. о. председателя Верховного Совета РСФСР Хасбулатов. Опять тройка. Трое погибли на баррикадах в защиту новой России. Тройка! Я все время вам твержу про цифру ТРИ, а вы меня за придурка держите. Какие вам еще нужны доказательства? ТРИ — это судьба России!

— Что ты к нам пристал со своей тройкой, троечник? — заорал Заграничный, почувствовав, что он теряет к себе интерес курящей и некурящей аудитории, включая руководство и партком. — Интереснее другое. Есть неожиданный поворот. Наш летчик, герой-афганец, полетел спасать первого президента СССР.

— А что будет со вторым президентом СССР? — перебил его Мартынюк. — Скажи, Жора, мы создаем новую традицию, или это просто занятный, случайный прецедент?

Заграничный:

— Вам бы все зубоскалить!

Мартынюк:

— Нет, ты скажи свое, как я понимаю, теперь самое правильное мнение.

Заграничный:

— Отстань. Не это главное. Сейчас главное — это спасение нации. Важно, что скажет Запад.

— Опять мы оглядываемся на границу, — поддел Заграничного Сергей.

Заграничный продолжал вещать, не обращая внимания на резонеров:

— Нужно повернуть ситуацию на себя, и ГКЧП не удержится. Загрустили заговорщики. Бегут по домам. Наверное, думают, опять не тот народ попался. Как его ни учили марксизму-ленинизму, ни хрена он не выучил! В очередной раз народ подвел власть. Давно пора менять этот народ на другой, более ученый! Самовольства не позволим. Гнев и радость надо канализировать. Вот о чем они там, в своих цэках думают!

Молодцов:

— Больно мудро говоришь, Жора. Без пол-литры не разберешь.

Заграничный:

— Я опять пойду на баррикады, где всем все понятно. Ура, господа!

— А побриться не хочешь, Жора? — предложил Мартынюк.

— Нет! — С яростью прокричал Заграничный. — Я не буду бриться до полной победы демократии, как Фидель Кастро.

— Боюсь, тебе долго придется ждать. Да и как определить эту полную победу? — встрял Николай Иванович Перепелкин. Профсоюзный вожак не хотел, чтобы кто-либо даже помыслил, что он примкнул к одному из лагерей. Его вопрос, как он полагал, был очень нейтральным, но демонстрировал неподдельный интерес к происходящим событиям и не совсем ясному будущему.

— Ерунда. Когда мы вольемся в цивилизованный мир на равных, это и будет означать нашу победу. К Белому дому! Ура! — опять закричал Заграничный и отправился на выход. Крик постепенно затихал вместе с уходящим революционером.

— Вот так и мы уйдем в никуда, — грустно молвил Иван Игнатьевич Самопалов. — Только без крика. Под тихий шепот уставшего времени. Новая эпоха пришла. Посторонись, а то зашибу! Вот ее лозунг.

Выступающих более не было. Народ постепенно стал разбредаться кто куда, а начальство вернулось в свою опустевшую рубку. Коридор был непривычно пуст, равным образом пустовал блиндаж предбанника. Зияющая брешь. Это уже была катастрофа. Отсутствие секретарши нанесло начальству последний удар. Смертельный!

Таганцев:

— Егорыч, ты видишь. Это уже не начало конца, а полный абзац. От этой революции я уже устал! Жду, когда она наконец кончится и все будет опять хорошо, как

раньше, по-старому. Жду-жду... кто меня упрекнет в отсутствии терпения. Я, как Штирлиц, который говорил: что-что, а ждать мы умеем. А здесь ожидание не срывает. Мне все это решительно надоело.

Он с пафосом задекларировал:

— Я заявляю со всей ответственностью: МНЕ НАДОЕЛО! Надоело все это и все эти. Новые, незрелые, сумасбродные авантюристы и юнцы. Вот ты — парторг, значит, должен разбираться в политической обстановке. Объясни мне, пожалуйста, что должно произойти. Что я должен делать? У меня нет инструкции на случай каких-то там революций. Я требую прекращения революций. Обрыдло! А то иначе могу урыдаться до смерти или в крайнем самом случае — до полусмерти... надо прекратить преследование всех нас этой революцией. Иначе я буду смотреть на жизнь очень злыми глазами. А важно то, что мой взгляд будет отражать взгляд народа на революцию. Как сказал кто-то: без меня народ не полный. Вот!

Смяткин:

— Дорогой Альберт, подожди впадать в панику. Еще не вечер.

Таганцев:

— Хуже, Егорыч, уже не только ночь прошла, но и рассвет давно наступил. Рассвет новой жизни, новой — но не для нас. Нас даже в утильсырье уже не примут. Мы ржавые, прохудившиеся чайники — вот мы кто. Даже на переплавку не годимся.

Смяткин:

— Погоди ты. Какая сейчас ситуация? Я тебе скажу. У нас был молодой Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС, и заметь, он всем нравился. Потом он стал президентом. Показалось, как будто тоже неплохо. Наградой стала вначале любовь народа, а от любви до ненависти один шаг. Даже к любимой жене охладевают, а тут хуже.

Таганцев:

— Что может быть хуже?

Парторг взял стаканы и разлил коньяк.

Смяткин:

— Выпьем за успех нашего безнадежного предприятия.

— Так что еще хуже? — спросил начальник после того, как они выпили.

Смяткин:

— Хуже только наш генеральный президент! Получилась абракадабра из генерального секретаря и президента. Генпрез. Он нас всех так запутал своей ускоренной перестройкой алкогольных привычек. Так быстро традиции не меняют. Посмотри на англичан.

Таганцев:

— Ну, посмотрим на них, и что мы видим в них особенного?

Смяткин:

— Как пили свое виски, так и хлебают его по-прежнему. Никто у них стакан изо рта не выдергивает.

Таганцев:

— Не преувеличивай роль стакана в развитии нашего государства.

Смяткин:

— Хорошо. Потом все эти СМИ начали подкалывать нашего генерального президента. Следующий этап — презрение к президенту, а затем он становится опальным.

Таганцев:

— А дальше что?

Смяткин:

— А дальше народная любовь быстро перебросилась на российского президента, который, заметь, напомнил всем, что мы — россияне. Надолго ли и крепка ли будет эта любовь — сие скрыто под таинственными покрывами.

Таганцев:

— Интересный прогноз. Очень интересный. Но не оптимистический.

Смяткин:

— Если тебе так больше нравится, назови все это оптимистической трагедией, как у Всеволода Вишневского.

Таганцев:

— Ты это уже говорил, Егорыч. Давай еще по одной и по домам. К новой жизни и светлому будущему из прошлого! Мы живем будущим, а надо жить настоящим. Вперед, капиталистической заре навстречу. Главное — это соответствовать новым веяниям обновленного времени...

Смяткин:

— Чему, Альберт?

Таганцев:

— Новой распрекрасной жизни, но она не для нас.

Смяткин:

— Машину на выезд вызывать?

Таганцев:

— Выезд отменяется.

Они выпили и молча пошли на выход по опустевшему зданию. Милиционеров не было видно. Нечего было охранять. Им показалось, что все их бросили. Подобно этому зданию, опустела сама их жизнь, и не было у них способностей, чтобы приспособиться к этой новой, пугающей своей неизвестностью другой жизни. Вот так меняются жизнь и повадки. В одночасье.

После самостийного собрания, когда удалилось начальство, все разошлись по домам. Мартынюк вновь подбросил Молодцова к Белому дому. Петя стал настолько решительным, что Сергей не смог не спросить его:

— Скажи мне, большевик наоборот, кого-нибудь вы сможете пощадить?

Молодцов:

— А кого надо щадить? У большевиков были только два тезиса. Первый: если враг не сдается, его уничтожают, а второй: кто не с нами, тот против нас. Почему мы должны цацкаться?

Мартынюк:

— Ну, хотя бы потому, что вы боретесь именно с таким большевистским подходом к жизни. Как-то трудно поверить в человеколюбие, которое начинается с людоедства.

Молодцов:

— Это все слюнтяйство.

Мартынюк:

— Хорошо, Петя.

Молодцов:

— Сергей, я отправляюсь на митинг, который скоро начнется у Белого дома.

Мартынюк (озабоченно):

— Петя, а кто там будет? Кто его проводит?

Молодцов:

— Как это кто? Ты совсем не следишь за событиями! Все будут...

Мартынюк (напряженно):

— А кто из начальства будет?

Молодцов:

— Хасбулатов, Ельцин, конечно, будет...

Мартынюк:

— Это все у Белого дома? На улице? Во сколько?

Молодцов:

— Сергей, митинги проводят на улице, а не на сиделках в квартирах, где все такие смелые.

Мартынюк:

— В какое время? Говори скорее.

Молодцов:

— Да в двенадцать часов дня.

Мартынюк:

— Через пятьдесят минут. Надо спешить.

— Ладно, Петя, я спешу. Пока.

Сергей помчался от ошеломленного Молодцова, который направился к Белому дому. Мартынюк подъехал к гостинице «Украина», выскочил из машины и побежал ко входу. Грозный швейцар преградил ему путь.

Швейцар (степенно):

— Извольте поставить машину на предназначенную парковку. Вы ее оставили в неподобающем месте.

Мартынюк:

— Я очень спешу. Вопрос жизни и смерти. Уберу потом.

Швейцар (преграждая ему путь в дверях):

— Ни в коем случае. Вначале переставьте машину в специально отведенное место, а потом уже приходите к нам. Вы, наверное, в ресторан? Так он еще закрыт. А пропуск у вас есть? Кто вас принимает?

Мартынюк (с трудом сдерживая бешенство):

— Если ты еще будешь мозолить мне глаз, то сейчас рота автоматчиков придет сюда по моему сигналу, и ты работу ближе Магадана никогда не найдешь! Я понятно излагаю?

Швейцар отпрянул, открывая дверь:

— Так точно (подобострастно). Проходите, пожалуйста.

Мартынюк влетел в отель и начал метаться по полупустым залам фойе. Подошел к ресторану, но он был закрыт. Затем бросился к лифту. Лифт понес его на последний этаж. Сергей стал бегать безуспешно по коридорам этажа. В отчаянии он вновь залез в лифт и нажал на кнопку первого этажа. Но лифт задержался. Двери вновь распахнулись, и в лифт вошел он. Маргинал. Мартынюк сразу же узнал его. Сергей замер и старался не смотреть на него. Только он решился было заговорить с Маргиналом, как лифт остановился и к ним присоединились новые посетители. Наконец они покинули лифт, но тут же зашли новые люди. Лифт как будто испытывал терпение Сергея. И вот он остановился на первом этаже. Маргинал быстро вышел из лифта. Мартынюк устремился за ним, но его отсекала толпа людей, неожиданно ввалившихся в фойе. Мартынюк потерял Маргинала из виду. Он опять начал метаться по залам, наткнувшись на людей и не найдя искомого. В отчаянии он остановился посреди одного из залов. Пытается осознать происходящее. У него совершенно потерянный вид. Без всякой надежды Сергей вновь начал бродить по залам. Он прошел мимо ресторана и вдруг остановился пораженный: ресторан уже открылся. Мартынюк влетел в него и принялся осматривать каждый угол. Он не сразу заметил в самом дальнем закутке сидящего Маргинала. Облегченно вздохнул и тут же растерялся: как подойти? От растерянности (преодолевая себя) он решительно подошел к столику.

Мартынюк:

— Можно подсесть к вам?

Маргинал (с недружелюбной отстраненностью):

— Я давно заметил, как ты ко мне подбираешься. Чего тебе надо?

Мартынюк (начал не очень уверенно):

— У меня к вам поручение. Я должен вас предупредить, чтобы вы ничего не предпринимали...

Маргинал (резко перебивает его):

— Что ты там бубнишь? Говори внятно. Зачем ты следишь за мной? Ты, вообще, кто такой?

Мартынюк (торопливо говорит, волнуясь):

— Клевретов просил меня связаться с тобой и передать его последнее указание.

Маргинал (передразнивая, тянул слова):

— Последнее? Указание? Фамилией играешь... Откуда ты к нам свалился? Почему я о тебе ничего не знаю?

Мартынюк:

— Клевретов не смог никого найти, кому бы он доверял.

Маргинал:

— А тебе доверяет? Ты кто такой?

Мартынюк (раздражаясь от того, что ему надо было что-то доказывать и объяснять):

— Сейчас время такое. Трудно найти доверенных людей. Мы давно знаем друг друга... вместе учились.

Маргинал (передразнивая):

— Время такое... оно всегда одинаковое, всегда трудное, и всегда никому доверять нельзя. Он тебе ничего не передавал?

Мартынюк:

— Да, чуть не забыл: вот письмо.

Достает из папки письмо и передает его. Маргинал внимательно изучил письмо.

Маргинал:

— Не больно длинное указание. Что-нибудь еще на словах передавал?

Мартынюк:

— Самое главное я сказал: ничего не предпринимать, иначе все пойдет кувырком. Не надо никакой самодеятельности. Ваше участие может сыграть роль спускового крючка таких событий, о которых мы потом и пожалеть не сумеем (через паузу). Потому что некому будет жалеть. Народ не выдержит еще одной гражданской войны. Речь идет о спасении нации, о судьбе Родины.

Маргинал:

— Вот вы как заговорили! А где вы раньше были? Довели страну до ручки, а теперь завопили: «спасение нации, Родина...» Ненавижу вас всех.

Мартынюк:

— Кого это? А меня-то за что? Я тебе чем не угодил?

Маргинал:

— Вы все болтуны. Только людей взбаламутили своими рассказами.

Мартынюк:

— Ты знаешь, что снесли памятник Ф. Э. Дзержинскому.

Маргинал:

— Войну с булыжниками начали.

Мартынюк:

— Булыжник — оружие пролетариата. Кажется, так нас учили классики марксизма-ленинизма?

Маргинал:

— Всегда вы, интеллигенты, любите все усложнить и запутать.

Мартынюк:

— Но если все так просто, что же тогда ни один человек не встал на защиту этого строя? Ведь у многих табельное оружие. Что же они не захотели вступить в смертный бой с врагами?

Маргинал (возмущенно, с силой):

— Запутали народ, свихнули людям мозги. Все вокруг дураки, а вы одни самые умные и точно знаете, куда надо рулить!

Мартынюк:

— Все с точностью до наоборот. Партия у нас рулевой. Вот и доручила. А ты думаешь, что все можно исправить одним выстрелом? Тебе самому-то не смешно?

Маргинал виртуозно быстро выхватил боевой нож и приставил его к сердцу Мартынюка.

Маргинал:

— Сейчас мы проверим твой юмор... ты даже вскрикнуть не успеешь. Вот это будет смешно.

Мартынюк (побледнел, но более чем твердо сказал):

— И как нам это поможет? Я пришел не мешать тебе, а помочь. Есть приказ. И я его доставил тебе. Возможно, он тебя не устраивает, но это приказ. Ты же офицер. В конце концов, любая государственная служба держится на дисциплине, тем более военные и спецслужба.

Маргинал (убирая нож):

— Давай поучи меня, как приказы надо выполнять.

Мартынюк:

— Что же ты все ерепенишься? Уж я и не знаю, на какой кривой кобыле к тебе подъехать! А может, у тебя нервы не в порядке и тебе нужно просто банально отдохнуть? Ты просто устал, а тебя используют, причем втемную.

Маргинал:

— Все запуталось. В бою понятно, где свой, где чужой. А теперь где кто (убитым голосом)... какая могучая страна. Сколько людей за нее полегло. Мощный Советский Союз, наша непобедимая армия... И где теперь престиж военного? Обидно за все и за всех! Если руководство большое и не в состоянии вывести страну из кризиса, это должны сделать здоровые силы.

Мартынюк:

— Ликвидация ничего не решит, но она точно спровоцирует еще большее кровопролитие. Как только верхушка начнет стрелять, перестрелка разбежится по всей стране. Им можно, а мне нельзя, что ли? Вот по какой стезе мы пойдем.

Маргинал (устало):

— Что же ты предлагаешь?

Мартынюк:

— Господи, да я тебе все время об одном талдычу: не стреляй! (повторяет с удвоенной силой). Не стреляй! Не стреляй! Но почему как только у нашей страны появляется шанс, история отворачивается от нее? Почему нам так не везет? Если ты выстрелишь, это будет выстрел в будущее. А точнее — не будет никакого будущего. Боже мой, ну что мне сделать, чтобы заставить тебя отказаться от этой навязчивой идеи? Дорогой мой, ну выполни свой приказ. Я же не призываю тебя нарушить присягу, игнорировать твою инструкцию. Я прошу тебя сделать то, что тебе прямо предписано исполнить.

Маргинал:

— Красиво излагаешь. Тебе бы политруком в нашу часть...

Мартынюк:

— Но хоть что-то в тебя въехало? Об одном тебя прошу: не торопись с твоим решением. Обдумай все как следует (оживляется вдруг, как будто вспомнил что-то). Да, я не передал тебе смотровой ордер на квартиру. Вот он (отдает ордер).

Маргинал (с интересом смотрит на Сергея):

— Ты хорошо осведомлен... Ты и это знаешь.

Мартынюк:

— Клевретов просил передать, что сам ордер на квартиру ты получишь только при условии выполнения приказа, который я тебе вручил. Подчеркиваю: неукоснительного выполнения приказа. В точности!

Маргинал:

— Хитер Клевретов! Как он все предусмотрел! Ладно, я подумаю.

Мартынюк:

— Подумай. Не забудь об ответственности.

Маргинал:

— На что намекаешь? На уголовную?

Мартынюк:

— Нет, перед лицом истории.

Маргинал:

— Эх, интеллигенты! Ну не можете вы без эффектов и пафоса! Ну никак!

Мартынюк (почти умоляюще):

— Послушай: просто прошу тебя как человека. Ты же любишь свою Родину... ради нее, ради будущего нашей страны.

Маргинал:

— Угомонись. Хватит причитать. Все, разговор окончен.

Он медленно встает и уходит. Мартынюк поднимается и, как лунатик, движется не спеша за ним. Его глаза безнадежно следуют за Маргиналом.

Сергей сел в машину и поехал домой. На светофоре он задумался.

Идет хроника документального кино, в которой показано выступление Б.Н. Ельцина у Белого дома среди его защитников. Ельцина прикрывают бронезиловым Коржаков и другие охранники. Раздается оглушительный одиночный выстрел. Кровавая пелена медленно сползает на кадры хроники. Весь экран залит кровью. Раздаются сигналы автомобиля. Сергей очнулся. У него растерянный вид. Непонятно: ему все почудилось, или на самом деле был выстрел. За его машиной вереница автомобилей, которые нетерпеливо гудят. Сергей нажал на педаль газа и поехал домой.

Дома жена встретила его встревоженными глазами, а Славка криками: Белый дом с танками показывают по телевизору.

Ира:

— Что происходит?

Сергей:

— Крушение старой власти и приход новой. А так ничего нового.

Ира:

— Я серьезно.

Сергей:

— И я серьезно. Цель путчистов — не допустить ликвидации СССР, которая должна была начаться, по их мнению, двадцатого августа.

Ира:

— Почему двадцатого?

Сергей:

— Очень просто. На двадцатое было намечено подписание союзного договора.

Ира:

— Сережа, я не знаю, зачем был нужен этот союзный договор, когда у нас и так уже есть Союз Советских Социалистических Республик. Это не основание для заговора.

Сергей:

— Ты не поняла. Был референдум в поддержку сохранения СССР, но сейчас идея состоит в том, чтобы ослабить центральную власть и дать больше самостоятельности национальным республикам. Повысить роль властных функций на местах. В общем, главная идея подписания нового договора — это превращение СССР в конфедерацию — Союз Суверенных Государств. Двадцатого августа договор должны были подписать представители РСФСР и Казахской ССР, а остальные будущие компоненты содружества — в течение пяти встреч, вплоть до двадцать второго октября.

Ира:

— А что страшного во всем этом?

Сергей:

— Ничего, кроме того, что в случае подписания нового договора члены ГКЧП могли лишиться своих высших государственных постов.

Ира:

— Опять все дело во власти.

Сергей:

— Конечно. По большому счету они добились своей цели.

Ира:

— Какой?

Сергей:

— Я же тебе только что объяснил. Новый союзный договор не был подписан, так что путчисты добились своей цели.

Ира:

— Какой кошмар! Теперь я поняла. Мы должны пойти к Белому дому. Что там ваш ГКПЧ думает? Вы же за права человека. Вот и боритесь за права. За наши права нашего человека!

Сергей (устало):

— Ира, угомонись. То ты дверь боялась открыть, а то тебя на баррикады вдруг понесло. Я не привык к таким частым перепадам.

Ира:

— У нас вся жизнь — сплошной перепад. Революция на пороге, а мы тут отсиживаемся. Хоть кто-нибудь из вашего комитета пошел к Белому дому?

Сергей:

— Кто-нибудь пошел.

Ира:

— Всегда так: люди прячутся за спины лучших.

Сергей:

— Хочешь, я тебе сейчас назову этих лучших.

Ира (с напором):

— Назови, назови. Я буду знать, кем гордиться.

Сергей:

— Пожалуйста. Это Заграничный Жора.

Ира (разочарованно):

— Жора? Вот бы не поверила никогда. Он же неуравновешенный.

Сергей:

— Молодец, Ира. Подпольная кличка Жоры — Оголтелый или Бесноватый. Вот такие дантоны и робеспьеры и делают революции. Затем Петя Молодцов.

Ира:

— Это тот, что у нас вчера был? Да он же пьет немерено.

Сергей:

— Молодо-зелено. Это по неопытности, от отчаяния. Со временем пройдет.

Ира:

— Ну, может, женится, тогда образумится?

Сергей:

— Все возможно, но пока он холостой, и революция продолжается. Затем Дима Базыкин.

Ира:

— Базыкин? Вот бы никогда не подумала. Он мне казался всегда таким умелым карьеристом... как интересно... таким чиновником, который никогда не сделает ничего лишнего, тем более предосудительного.

Сергей:

— А ты говоришь, что разбираешься в людях. Никогда не знаешь, как человек поведет себя у дома, тем более если этот дом белый.

Ира:

— Все равно. Это лишний раз доказывает, что надо действовать. Нельзя отсиживаться, когда страна в опасности! Мы не живем, а присутствуем при замечательной жизни.

Они так увлеклись, что не заметили, как перешли на повышенный тон. Родители не заметили сына, который подошел к открытым дверям в коридоре. Славка сосредоточенно вслушивался в их спор.

Сергей:

— Мне кажется, Ира, что скорее мы будем в опасности, если пойдем к Белому дому.

Ира:

— Нет, надо решиться. Надо быть вместе со страной, с нашим народом. Это наша судьба!

Сергей:

— Ира, ты не на партсобрании. Хватит лозунгов. Есть реальная жизнь.

Ира:

— Это ты привык к лозунгам на своих партсобраниях. Я членом партии никогда не была.

Сергей:

— Вот поэтому тебя и тянет к митингам. Не насытила свой аппетит к единению с коллективом. Недаром ты всегда так любила первомайские демонстрации.

Ира:

— Да, любила. Я и сейчас не стыжусь сказать, что люблю демонстрации. Мне нравится быть с народом.

Сергей:

— А ты не забыла, как во время нашей заграникомандировки в Африке мы попали случайно в демонстрацию. Мы налетели на толпу, которая чуть машину не разнесла вместе с нами. Ты не помнишь, как тогда была рада, что все это благополучно кончилось?

Ира:

— Я ничего не забыла.

Сергей:

— А если не забыла, то седи и не чирикай.

Ира:

— Нет, Сергей, мне все равно кажется, что надо пойти туда.

Сергей:

— Надо? Хорошо, если убьют, как говорит Петя Молодцов, а если покалечат, тогда долго мучиться.

Ира:

— Он все так же носится со своей теорией чисел, странный парень?

Сергей:

— Он еще больше уверовал в нее.

Ира:

— Так что же мы будем делать? Телевизор смотреть и все?

Сергей:

— Есть другой вариант — не смотреть.

Ира:

— Что ты несешь?

Вдруг их увлечение разговора было нарушено вскриком:

— Мама! Не ходи в революцию! — закричал Славка.

Увлеченные спором родители не заметили, как он притащил стул, поставил его перед дверью и взгромоздился на него. Он стоял, как монумент, распахнув руки. Огромные слезы не катились, а падали из его глаз. Он продолжал выкрикивать:

— Мама! Не ходи! Не ходи в революцию!

Ира и Сергей замерли от этого неожиданного крика безутешного Славки. Ира бросилась к нему и обняла сына, чтобы успокоить его.

Ира:

— Не волнуйся. Я никуда не уйду.

Слава:

— Нет, ты обещай.

Ира:

— Хорошо. Обещаю не ходить в революцию.

(Голос за кадром). И никто из семьи Мартынюк не пошел в революцию. Революция прошла без них.

Послесловие

На фоне хроникальных кадров Белого дома августа 1991 года голос диктора сообщает.

Славка не пострадал, не вступив в пионеры, так как вступление, как и саму пионирию, отменили. Мартынюк стал начальником ГКПЧ — при новой власти права человека тоже нужны. Они даже записаны в новой Конституции новой России. Мартынюк полагает, что права человека больше нужны здесь, чем там. Поэтому часть сотрудников ушла в иные структуры. Так, Таганцев и Смяткин трудятся в сфере финансов. Молодцов Петя и Заграничный Жора успешно борются (им надо всегда бороться с чем-то или с кем-то) в Государственной Думе. Лера и Базыкин находят счастье друг в друге. Перепелкин и Самопалов на пенсии, платят взносы из своих небольших средств за членство в компартии России. Они часто встречаются, чтобы переживать в разговорах, как отменили КПСС, а за ней и весь Советский Союз. Маргинал получил квартиру за точное выполнение приказа. Одни говорят, что он был замечен в бандитских разборках. Другие оспаривают эти злые языки, утверждая, что он погиб в горячей точке за русский мир. Клевретов внезапно разбогател и сгинул где-то в зарубежье. Швыряев почитает себя безвинно пострадавшим и на чем свет ругает бывших партийных лидеров и нынешнее руководство, которые все не так делали и не туда ведут народ и страну.

История стала забываться, как ее герои и жертвы.

Некоторые из участников обороны Дома Советов, входившие в отряд «Живое кольцо» 20 августа 1991 года, образовали одноименную общественно-политическую организацию. В 2005 году в очередную годовщину событий возле Белого дома собрались лишь несколько десятков из тех людей, кто называл себя его защитниками в 1991 году. В 2009 году мэрия Москвы и вовсе запретила шествие, посвященное годовщине августа 1991 года с участием его бывших защитников, мотивировав это тем, что ради него придется перекрывать улицы и этим создавать неудобства москвичам.

Сегодня нам объясняют, как общество разрывалось на части, а руководство страны искало не причины кризиса, а способы, как бы удержать подольше власть, сохранить старый, отживший свое строй. Как все понятно, что надо было делать, а чего не надо было делать тогда, чтобы не случилось этого или того сегодня. Все дальше уходит та эпоха. Нет Советского Союза, и отчего-то жаль, что его нет. Кто-то скучает по советской власти, кто-то — не очень, а Советского Союза не хватает многим. Кому-то не хватает той общности, того единения, которое называлось СССР.

Все, что проходит, всегда трогательно. У нас щемит под ложечкой от воспоминаний детства, молодых родителей, которые были такими большими, все знающими, одним словом — взрослыми. Ушла эпоха других отношений, другой веры — в светлое будущее. Как ушла после 1917 года другая эпоха, другие отношения. Можно догадываться, какими были чувства людей, воспитанных в дореволюционные времена. Как им приходилось встраиваться в ту новую жизнь, которую они не могли ни принять, ни тем более понять? Все повторяется, и, может, сегодня это наша расплата за то наше прошлое?

В конце фильма показывается несколько интервью на улицах Москвы, где задается вопрос об августовских событиях 1991 года, о погибших (их имена) и звучат ответы случайных пешеходов. (Никто ничего не помнит.) При этом все кадры демонстрируются в кровавой пелене. Появляются большая цифра 3 и буквы «ТРИ».